

413-3-7

~~3449~~ Я. Я. Полферовъ

58
56

Среди инородцевъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Спб. акц. общ. „Слово“. Ул. Жуковского, 21

1903

Дозволено цензурою. Спб. 10 февраля 1903 г.

948159-40

2004175295

Убожденному борцу за интересы русских окраинъ,

Князю Эперу Эперовичу

Уэтомскому

посвящаю.

„Не в село Богъ,
а в градъ“
Молотовъ

I.

Қараногайская степь.

Тройка добрыхъ ногайскихъ лошадокъ быстро вынесла меня изъ казачьяго поселка Курдюки на крутой песчаный изволокъ. Палящій зной южнаго солнца еще не насталъ. Утренній свѣжій вѣтерокъ пріятно обвѣвалъ лицо. Во всемъ тѣлѣ чувствовалась бодрость.

Предо мной развернулся унылый пейзажъ пустынной равнины. Напрасно взоръ здѣсь ищетъ какого-нибудь признака жизни—ни жилья, ни дерева, только тщедушные солянки понуро склонили свои сѣро-желтые верхушки, точно стыдась за убогій нарядъ.

На горизонтѣ обрисовалась темная полоса...

— Ногайскіе камыши, — проговорилъ мой возница-казакъ, показывая въ ту сторону кнѹтомъ.

Наконецъ-то я у цѣли послѣ долгаго и труднаго перѣзда по проселочнымъ дорогамъ и въ примитивныхъ казачьихъ тарантасахъ! Давно мнѣ хотѣлось проникнуть вглубь Караногая, да и досадно бы было не сдѣлать этого, живя бокъ-о-бокъ съ нимъ и слушая въ теченіе многихъ дней легендарные рассказы про недавнее прошлое степей, когда черкесы, ингуши и тухменцы въ страхѣ держали всю Моздокскую и Тухменскую степи, разбивая караваны, почтовые повозки и властвуя отъ береговъ Терека до Каспія.

— Эй вы, голуби!.. Позванивай...

Весело покрикивать чернокудрый казакъ на взмыленныхъ лошадѣй.

Колокольчикъ замиралъ отъ быстрого бѣга, тарантасъ глухо стучалъ по кочковатой дорогѣ. Скоро темная полоса обрисовалась густыми зарослями камыша. Вправо серебряной лентой вился рукавъ буйнаго Терекъ, а дальше на горизонтѣ темной грядой выступалъ Кавказскій хребетъ. Но вотъ ямщикъ круто повернулъ лошадей, и мы врѣзались въ песчаный изволокъ. За спиной остался Терекъ, горы, а впереди сплошная сѣрая песчаная масса...

Караногайская степь занимаетъ безводную юго-восточную часть Сѣвернаго Кавказа. Въ ней нѣтъ ни горъ, ни холмистыхъ рельефовъ, ни глубокихъ долинъ, ни лѣсовъ, ни рѣкъ. Только передвижные сыпучіе пески, чахлые кусты чилиги, рѣдкія одиночныя ивы съ оголенными вѣтвями, а на югѣ и востокѣ густыя камышевыя заросли и обширные ильмени съ богатой растительностью немного разнообразяютъ монотонный и крайне утомительный для глаза пейзажъ. Бѣдна степь растительностью, но еще бѣднѣе орошеніемъ. Рѣки совершенно отсутствуютъ и единственными источниками воды являются копани, вода въ которыхъ имѣетъ мутный киселеобразный видъ: только привычный сынъ степи—караногаецъ можетъ безнаказанно пользоваться ею для питья.

Умѣренный, мѣстами болотистый и богатый маляріями климатъ подверженъ рѣзкимъ колебаніямъ, благодаря свободному доступу сѣверо-восточныхъ вѣтровъ. Разъ послѣдніе рѣдко посѣщаютъ степь, смѣна временъ года въ послѣдней идетъ обычной чередой умѣренно-теплаго пояса. Но стоитъ подуть осенью сѣверному вѣтру, какъ по степи несутся цѣлыя горы сыпучаго песка и ужасный смерчъ обнимаетъ ее своимъ игрищемъ. Воздухъ наполняется тонкой, всюду проникающей песчаною пылью, чахлыя солянки и пушистыя колючки, главныя представительницы флоры песчаной бесплодной равнины, съ корнемъ вырываются изъ земли и отдаются

въ забаву вихрю. По небу, за часъ предъ этимъ совершенно безоблачному, плывутъ тяжелыя свинцовыя тучи, которыя скоро осыпаютъ степь изморозью и снѣгомъ. На слѣдующій день вѣтеръ еще порывистѣе и холоднѣе... Подымается снѣжный буранъ и песчаные столбы-гиганты смѣняются снѣжными. Гибнутъ стада, гибнетъ растительность... Всюду чувствуется вѣяніе смерти...

Но вотъ потянуло съ востока марьяной. Свинцовыя тучи быстро исчезаютъ съ небосклона; сквозь блѣдную завѣсу одиночныхъ облаковъ прорываются лучи южнаго солнца, и снѣжно-ледяной покровъ степи исчезаетъ. Въ два-три дня степь одѣвается въ веселый весенній нарядъ. Убирается ковромъ душистыхъ цвѣтовъ, воздухъ оглашается радостнымъ крикомъ рѣющихъ въ воздухъ коршуновъ. Снова оживаетъ степь, но опять не надолго—палая зной съ постоянными жгучими вѣтрами быстро уничтожаетъ растительность и превращаетъ степь въ песчаную пустыню...

И вотъ въ такой-то, безотрадной по природѣ и растительности, суровой по обстановкѣ, степи обитаетъ племя караногайцевъ, поражающее своей физической и умственной недоразвитостью и, такимъ образомъ, совершенно неприспособленное къ борьбѣ съ невзгодами окружающей его суровой обстановки.

Низкорослый, съ рахлитической головой, приплюснутымъ носомъ, гноящимся глазами, караногаетъ производитъ жалкое впечатлѣніе, которое еще болѣе усиливается отъ костюма. Лѣтомъ—дешевый халатъ, купленный у прасола, рубаха, потерявшая свой первоначальный цвѣтъ отъ слоя грязи, шаровары изъ плохенькаго ситца; зимой—малахай, овчинная домодѣльная шуба—вотъ обычная одежда сыновъ Караногая.

Характерными чертами караногайца являются: неряшливое отношеніе къ жизни, косность, лѣнь, апатія и какъ результатъ этого, отсутствіе пытливости ума. Хотя эти черты свойственны всѣмъ номадамъ, но у карано-

гайца онъ проявился особенно рѣзко, благодаря полному истощенію у него матеріальнаго и умственнаго багажа. Стремленія къ осѣдлой и земледѣльческой жизни, которое мы встрѣчаемъ теперь въ киргизскихъ степяхъ, у караногайца нѣтъ и въ зачаткѣ, а скотоводство ведется въ крайне жалкихъ размѣрахъ. Отсюда сынъ Караногая располагаетъ массой ничѣмъ незанятаго времени.

Лѣтомъ караногаетъ рѣдко выходитъ изъ своей джуламейки, цѣлыми днями валяется на грязной цыновкѣ. То онъ сосредоточенно устремляетъ свой взоръ въ открытый „тундукъ“ ¹⁾ и слѣдитъ за движеніемъ перистыхъ облачковъ, причудливо убирающихъ голубой небосклонъ,—то, точно изваяніе, сидитъ на кошмѣ съ полузакрытыми глазами и совершенно безстрастнымъ лицомъ и только рѣдкіе вздохи, съ неизмѣннымъ звукомъ „Алла“, говорятъ за затаившуюся въ немъ жизнь.

Только голодъ и приѣздъ гостя заставляютъ измѣнить позу караногайца, чтобы приказать домочадцамъ озаботиться ѣдой. Во время трапезы собесѣдники мало-помалу оживляются, передаютъ другъ другу всѣ новости, слухи, выскажутъ массу нелѣпыхъ догадокъ по поводу какого-либо событія, не выходящаго за предѣлы степи,—но вотъ пора гостю и въ путь. Выйдетъ хозяинъ проводить своего „кунака“ ²⁾, лѣниво процѣдитъ свое прощальное „хошь“ и, придерживая рукой полы рванаго халата, обводитъ окрестность соннымъ, безжизненнымъ взглядомъ...

Видно, что все въ природѣ проходитъ незамѣтно для его умственного ока... Стройныя группы миражей, рѣзкій крикъ степного луна, тяжелый полетъ дрохвы, печальное блеяніе привязанныхъ къ кибиткѣ ягнятъ—одинаково не останавливаютъ вниманія караногайца. Медленно скрывается его фигура въ дверяхъ кибитки, и глубокое безмолвіе снова воцаряется въ послѣдней...

¹⁾ Круглое отверстіе въ кибиткѣ.

²⁾ Гость.

Настаетъ зима. Караногаетцъ окончательно впадаетъ въ спячку и ничто, кажется, не въ силахъ пробудить его отъ послѣдней. Вихрь съ бѣшеной силой рветъ жалкую кибитку, обтянутую цинковками и войлокомъ, ежеминутно грозитъ сорвать ее съ приколовъ и унести себѣ въ забаву... Но неподвижна груда овчинъ, подъ которыми покоится глава семьи... Скотъ, единственный источникъ существованія, изнуряется отъ безплодныхъ поисковъ травы, гибнетъ десятками и сотнями головъ отъ бурана, гололедицы, но караногаетцъ остается пассивнымъ, предоставляя все на усмотрѣнiе Аллаха.

Такова въ общихъ чертахъ жизнь защиточнаго, сравнительно конечно, караногайца, но иную картину рисуетъ намъ положенiе бѣдняка-караногайца, „джатака“.

Джатакъ-караногаетцъ содержитъ себя и семью батрачествомъ. Его можно встрѣтить и въ роли пастуха, и имщикомъ на почтовыхъ трактахъ, и поденщикомъ въ ближайшихъ русскихъ городкахъ и станицахъ, и черноработимъ въ знаменитыхъ кизлярскихъ садахъ. Совершенно безгласный, караногаетцъ-работчій съ тупою покорностью несетъ невзгоды зимней стужи, брань и побои пьянаго нарядчика, цѣлыми днями подрѣзываетъ и подвизываетъ виноградныя лозы, по поясъ погруженный въ холодную, вонючую грязь, трепеща отъ грозныхъ окриковъ армянина-хозяина, наконецъ, таскаетъ на своей худой спинѣ непомерныя тяжести на рыбныхъ промыслахъ.

И такой каторжный трудъ оплачивается настолько скудно, что не исключаетъ самой необходимой нужды у рабочаго—прокормиться однимъ хлѣбомъ. На кизлярскомъ рынкѣ, куда поступаетъ ихъ главный контингентъ для найма въ сады, заработная плата караногайцу-поденщику всегда ниже на 40—50 проц. сравнительно съ другими чернорабочими: русскими, осетинами и армянами. Многие савовладѣльцы отказываются отъ услугъ караногайца и предпочитаютъ заплатить высшую цѣну

русскому рабочему, нежели взять изъ-за куска хлѣба караногайца. Малорослый, слабосильный, вѣчно одержимый маляріей, питающійся рисовыми лепешками, да гнилой солонинной, заготовляемой садовладѣльцами съ избыткомъ, караногаетцъ-поденщикъ сработаетъ очень мало, а если прибавить къ этому еще его несмѣтливость, медленность въ движеніяхъ, то производительность такого труда сама по себѣ очень низка.

При такихъ условіяхъ трудовой жизни, поденщиковъ-караногайцевъ ежегодно выбываетъ изъ рабочаго строя до 30—40 проц.; но кадръ ихъ быстро пополняется изъ степи, благодаря обѣднѣнію караногайца-скотовода.

Большая половина всего этого матеріально-духовнаго гнета выпала на долю караногайской женщины. Всѣ ужасы безправія восточной женщины усугублены въ жизни караногайки и окончательно убили въ ней всякій протестъ противъ грубаго насилія надъ свободой, противъ посягательства на порывы сердца, волю человѣка.

Караногайка—въ семьѣ полная раба, лишенная всякаго права голоса. Она покорно исполняетъ всѣ прихоти своего деспота, несетъ тяготу хозяйства ради семьи, но только не для себя. Она не видитъ во всю свою жизнь ласки мужа, не испытываетъ удовольствія отъ наряднаго костюма, не восстанавливаетъ своихъ силъ крѣпкимъ и достаточнымъ сномъ, питается остатками отъ скуднаго стола семьи. Впечатлѣніе получается еще болѣе удручающее при видѣ фигуры караногайской женщины: маленькая, съ узкими красными глазами, съ широкимъ, совершенно расплывшимся внизу носомъ, съ прорванными отъ тяжести серебряныхъ колець-браслетовъ ноздрями, съ крупными жентыми зубами.

Насколько въ караногайцѣ сказывается вѣковое невѣжество и нравственная косность, настолько—въ женщинѣ этого племени результаты рабства и застарѣлыхъ ордынскихъ обычаевъ по отношенію къ такимъ вели-

кимъ духовнымъ обрядамъ и запросамъ, какъ бракъ и идея семейнаго равенства.

Черезъ три мѣсяца жизни среди караногайцевъ та же добрая тройка мохнатыхъ лошадокъ уносила меня за черту Караногая. Снова промелькнула пустынная степь, серебряная лента буйнаго Терека, послѣдняя кибитка пастуха-номада...

— Ну, и народъ, эти ногайцы!.. Совсѣмъ пропадаютъ... Ну, и жизнь!..—проговорилъ ямщикъ, спрыгивая съ козелъ и пуская лошадей шагомъ.

— А какъ ты думаешь, почему онъ пропадаетъ-то?—спросилъ я.

— Богъ его знаетъ... Должно, потому, что супротивъ русскаго ему не въ мочь...

Да, совершенно вѣрно, подумалъ я: „супротивъ русскаго ему не въ мочь“, „супротивъ“ той цивилизаціи, которую внесли въ Караногай пауки-прасолы, „супротивъ“ той эксплуатаціи земельной, которой обогатились десятки русскихъ овцеводовъ, наконецъ, „супротивъ“ того злого рока, который тяготѣетъ вообще надъ русскими окраинами въ отношеніи различныхъ прогрессивныхъ начинаній въ социальнo-экономической жизни.

Мысленно перенесся я въ Башкирію, гдѣ также близко къ вырожденію цѣлое племя, богатое когда-то матеріально и духовно, а теперь переживающее стадію жалкихъ пасынковъ человѣчества. Отъ башкиръ невольно перешелъ къ ихъ сосѣдямъ—киргизамъ, и тѣ же невеселыя думы заронились въ головѣ. Вотъ это племя, богатое сейчасъ въ хозяйственномъ отношеніи, сильное физически, способное интеллектуально и готовое къ воспріятію европейской культуры, и оно не гарантировано отъ участи караногайцевъ и башкиръ: тучи сгустились и надъ этой ордой, готова страшную грозу, послѣ которой едва-ли киргизъ встанетъ на ноги...

II.

По калмыцкимъ улусамъ.

— И все то у васъ, господа, на первомъ планѣ какая-нибудь мудреная философія, какіе-то принципы и всякая прочая белиберда... Все пустяки... Калмыкъ исчезаетъ съ лица земли потому только, что онъ — закоренѣлый дикарь, совершенно неспособный къ цивилизаціи, а потому и долженъ уступить мѣсто культурной націи. Это, батюшка мой, законъ природы и противъ него, какъ и противъ рожна, не попрешь...

„Супротивъ“, вспомнилось мнѣ.

— Да-съ... Я вотъ двадцать лѣтъ съ ними, собаками, дѣло имѣю и что же? Хоть бы малѣйшее что отъ русскихъ переняли—ни-ни... Ну и несеть ихъ по теченію въ пучину паденія.

Такъ философствовалъ мой спутникъ, ремонтёръ-полковникъ, съ которымъ мы объѣзжали зимовники Задонской и Калмыцкой степей.

Просторный тарантасъ плавно покачивался по солонцеватой дорогѣ. Лошади бѣжали мелкой рысцой, обливаясь отъ жары потомъ и отмахиваясь отъ слѣпней. Ямщикъ, скупастый, сутуловатый калмыкъ, дремалъ на козлахъ, а когда полковникъ давалъ ему легкаго пинка, то онъ начиналъ гикать, свистать и немилосердно бить кнутомъ свою тройку. Но все это мало помогало: худыя лошаденки не проявляли большой прыти и на всѣ энергичныя понуканія реагировали усиленнымъ помахиваніемъ хвоста.

— Вотъ вамъ примѣръ: везетъ, разбойникъ, на клячахъ, спитъ всю дорогу и хоть убей его, не ускоритъ. А все потому, что мы—русскіе... Будь мы калмыцкіе князьки, хотя бы самые замухрышки, то орломъ бы по-

летѣль, мерзавецъ, лучшихъ лошадей запрягъ бы и прогоновъ бы не брать. Прямо не понимаю, чего это нянчатся съ калмычьемъ,—дали бы скорѣе доступъ къ свободной колонизаціи, тогда и степь не была бы мертвой пустыней...

— Но, вѣдь, тогда данный районъ потеряетъ свое значеніе, какъ рассадникъ лучшей ремонтной лошади...

Я сдѣлалъ послѣднюю попытку смягчить суровый приговоръ полковника, но напрасно: калмыкъ и тутъ непригоденъ больше, — напротивъ, та „система коневодства, которой держатся калмыки“, губитъ коневодство, и „въ интересахъ кавалеріи слѣдуетъ поскорѣе вырвать изъ ихъ рукъ это существенной важности дѣло“.

Къ сожалѣнію, узко-тенденціозный взглядъ ремонтера не является исключительнымъ—его придерживается большинство лицъ и учреждений, приходящихъ въ какое-либо соприкосновеніе съ Калмыцкою степью. Дѣйствительно, поверхностное знакомство съ послѣдней, вмѣстѣ съ предвзятымъ отношеніемъ къ обитателямъ ея какъ бы вполне подтверждаютъ подобный взглядъ—широкая, дышащая привольемъ степь, богатая пастбищами, мягкая по климату, имѣетъ всѣ данныя къ безбѣдному существованію предприимчиваго народа, особенно занимающагося скотоводствомъ. Однако, совершенно находимъ здѣсь: калмыки по своему благосостоянію недалеко ушли отъ сосѣдей карангайцевъ и процентъ байгушей (нищихъ) растетъ немѣрно, наполняя ими рынки ближайшихъ городовъ и поселеній. На 28,000 кибитокъ астраханской Калмыцкой степи имѣется около 64,000 лошадей, 112,000 кр. рогатаго скота, 339,000 овецъ и 23,000 верблюдовъ. Сравнивая эти цифры съ цифрами 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, мы видимъ паденіе ихъ въ теченіе послѣднихъ 25—30 лѣтъ на 42

проц. Затѣмъ. проводя параллель между количествомъ скота у калмыковъ и другихъ кочевниковъ, уровень благосостоянія которыхъ пока не внушаетъ серьезныхъ опасеній (напримѣръ, тургайскихъ киргизовъ), видимъ, что цифры говорятъ опять не въ пользу калмыковъ:

Количество скота на душу.

	Лоша- дей.	Кр. р. скота.	Овецъ.	Верблю- довъ.
Тургайская область	1,9	1,2	4,5	0,5
Калмыцкая степь	0,4	0,8	2,5	0,2

Достаточно этого параллельнаго сопоставленія для нагляднаго доказательства полнаго обѣднѣнія калмыковъ, живущихъ исключительно животноводствомъ; среднее количество скота на душу, имѣющееся въ Калмыцкой степи, составляетъ ту экономическую стадію, которая стоитъ на границѣ между бѣдностью и нищетою,—причемъ, при отсутствіи благоприятныхъ условій, послѣдняя, т. е. нищета, успѣшно развивается и имѣетъ въ данныя окончательно воцариться среди калмыковъ. Если мы обратимся къ процентному отношенію зажиточныхъ, имѣющихъ не менѣе 10 головъ скота на душу, средняго достатка—не менѣе 5 головъ, бѣдняковъ—менѣе 2 гол. на душу и, наконецъ, байгушей, то получимъ весьма безотрадную картину: процентъ бѣдняковъ стоитъ въ первой очереди, за нимъ слѣдуютъ байгуши, а хозяева средняго достатка и зажиточные составляютъ самый ничтожный процентъ.

Невольно является вопросъ о причинахъ такого прогрессивнаго обѣднѣнія Калмыцкой степи. По мнѣнію ремонтера и его единомышленниковъ, вина всецѣло падаетъ на самого калмыка. „Вѣковая косность, природная лѣнь, отсутствіе предприимчивости, духовная скудость и пр., и пр.“—вотъ, приблизительно, тѣ шаблонныя отвѣты, которые вы получаете отъ „людей знающихъ“.

Но такъ-ли это? Дѣйствительно-ли калмыкъ совсѣмъ негоденъ къ болѣе цивилизованной жизни и всецѣло самъ виноватъ въ своемъ паденіи?

Постараемся разобраться.

Въ астраханской Калмыцкой степи считается 7.515.759 десятинъ земли, изъ нихъ удобной 6.572,597 десятинъ. Но и эта послѣдняя цифра неточна: во владѣніи калмыковъ меньше земли, такъ какъ часть ея отдана въ пользование разнымъ вѣдомствамъ и лицамъ, а часть захвачена русскими переселенцами, — какъ, напримѣръ, Лагонскій бугоръ, Береговая балка и др., составляющіе лучшія угодья. Помимо того, масса земли находится въ арендномъ содержаніи различныхъ предпріимчивыхъ людей изъ среды русскихъ и даже изъ калмыковъ, которые довольно успѣшно эксплуатируютъ невежество и бѣдность инородца. Послѣдній не потому не пользуется нѣкоторыми плодами культуры и цивилизаціи, что *не желаетъ*, въ силу своей духовной косности, а *не можетъ*. Казалось бы, что справедливѣе, чѣмъ предоставленіе права свободной расцѣпки своего хозяйства, права пользованія рынкомъ,—но калмыкъ и въ этомъ отношеніи связанъ по рукамъ и по ногамъ: прежде чѣмъ продукты его кочевого хозяйства достигнутъ потребительнаго рынка, они должны пройти цѣлую армію степныхъ тарантуловъ-кулаковъ, изъ которыхъ каждый поровнитувать что-нибудь отъ калмыцкаго добра. Вотъ, напримѣръ, баранъ: стоимость его на ближайшемъ мясномъ рынкѣ 8 руб., а калмыкъ получаетъ всего 1 р. 50 к.—2 р. да и то не деньгами, а товаромъ-гнильемъ. Остальные 6 р. 50 к.—6 р. пошли въ пользу различныхъ посредниковъ. Далѣе, барышники скупаютъ лошадей по 35—40 р., а черезъ 2—3 мѣсяца продаютъ по 55—70 р. Такимъ образомъ, совсѣмъ не въ интересахъ этихъ посредниковъ, чтобы инородецъ обновилъ свой примитивный строй жизни культурными началами, чтобы вникъ въ свои застарѣлыя правовыя отношенія свѣжую струю

свободы личности,—тогда барыши различныхъ эксплуататоровъ, начиная отъ богатѣя-калмыка и русскаго шибая, пали бы до нуля.

При такой полной безысходности въ отношеніи пользованія продуктами своего хозяйства, калмыкъ несетъ довольно значительное податное обложеніе.

Вопросъ о податяхъ,—острый въ районѣ осѣдлости, прямо больной на окраинахъ среди кочевыхъ инородцевъ. Сначала калмыки платили съ кибитки по 5 руб., но затѣмъ эта цифра поднята до 6 руб. Основой обложенія послужила перепись 1876 года, которой и донинѣ продолжаютъ руководствоваться. Между тѣмъ, послѣднія 15—20 лѣтъ дали такія значительныя измѣненія въ наличности кибитокъ, душъ и скота, что уже въ 90-хъ годахъ калмыки, вмѣсто 6 р., платили: въ Еркеденевскомъ улусѣ отъ 7 р. 18 к. до 7 р. 75 к., въ Александровскомъ—отъ 8 р. 25 к. (Ики-Хошаутовъ родъ) до 13 р. 50 к. (Ики-Гуленгутовъ родъ). Въ настоящее время кибиточная подать колеблется въ слѣдующихъ размѣрахъ по улусамъ: въ сѣверной части Малодербетовскаго—отъ 2 р. 50 к. до 27 р. съ кибитки, въ Южной—по 8 р., Александровскомъ до 49 р., въ Икитто-Хуровскомъ отъ 3 до 8 р., въ Харахуровскомъ до 80 р., въ Еркеденевскомъ и Богачахуровскомъ по 7 р. и въ Яндыко-Мочанскомъ до 7 р. 50 к.

Параллельныя сопоставленія этихъ данныхъ съ цифрами кибиточной подати въ Туркестанѣ и Тургайской степи даютъ поразительную разницу—кибиточная подать калмыковъ на 50—80 проц. больше, чѣмъ у тургайскихъ и туркестанскихъ кочевниковъ, т. е. какъ разъ обратно пропорціонально уровню благосостоянія. Поэтому, ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что въ теченіе 1893—1895 годовъ накопилось недоимки 169,160 р., сложенной по Высочайшему манифесту 1896 г. Но, конечно, новая нарастаетъ—и довольно успѣшно.

„Въ настоящее время въ Калмыцкой степи вве-

дены медицинская и ветеринарная организаціи, двинуто школьное дѣло, — читаемъ въ официальныхъ отчетахъ. — и успокоиваемся. Въ самомъ дѣлѣ, чего-же еще? Въ этихъ трехъ основныхъ заботахъ о здравіи, хозяйствѣ и духовномъ поднятіи — залогъ благосостоянія матеріальнаго и духовнаго. Но вотъ бѣда: оспа, сифилисъ и цынга продолжаютъ регистрировать солидныя цифры своихъ жертвъ, и медицинскій персоналъ, состоящій изъ 4 врачей, 12 фельдшеровъ и 11 оспопрививателей, — безсиленъ пока. Ветеринарная организація не избавляетъ отъ прогрессивной убыли скота, такъ какъ самый ужасный бичъ мѣстнаго животноводства — безкормица, противъ которой наука, еще не изобрѣла средствъ. Вотъ цифры падежа: въ 1892 г. пало зимой 200,304 головы крупнаго и мелкаго скота, что составить 1.085,750 руб. убытка, въ зиму 1893 г. — 177,395 головъ, на сумму 299,604 р., въ зиму 1895—6 г. — 304,040 головъ, на сумму 2.234,788 р.; въ послѣдній падежъ наиболѣе пострадалъ Харарусовскій улусъ: изъ 96,971 головъ пало 87,388 головъ, т. е. $\frac{9}{10}$; изъ 1,513 кибитокъ этого улуса 758, т. е. 50 проц., остались совсѣмъ безъ скота, а 199, т. е. 13 проц., имѣли по одной головѣ скота.

Наконецъ, результаты „школьнаго дѣла“ не портятъ общаго ансамбля безотрадности: имѣется всего только 6 улусныхъ школъ съ комплектомъ въ 140—150 учениковъ, такъ что одинъ учащійся приходится на 627 неграмотныхъ, а дѣвочки — абсолютно неграмотны, такъ какъ для нихъ школъ совсѣмъ не существуетъ.

Калмыкъ по своей натурѣ рѣзко отличается отъ соѣда-караногайца: насколько послѣдній сонливъ, настолько калмыкъ подвиженъ. Вотъ онъ съ гикомъ и свистомъ несется по степи на своемъ скакунѣ, загоняя косякъ, ловко набрасывая арканъ на отдѣлившуюся лошадь, или обвязываетъ „неука“, рискуя каждый моментъ свернуть себѣ шею. Вотъ онъ зорко слѣдитъ за сворой

собакъ, въ качествѣ доѣзжающаго у какого-нибудь земле-
владѣльца, или лихо править тройкой. Красиво гарцуетъ
онъ на степныхъ ярмаркахъ, вызывая восторгъ толпы,
а то добросовѣстно выполняетъ роль „отарщика“ въ ка-
зенныхъ плодовыхъ табунахъ. Когда калмыкъ сидитъ
на хорошей лошади и передъ его взорами разстилается
безграничная степь съ ея струйками миражей, пестрыми
облаками и неизмѣннымъ въ теченіе многихъ дней не-
бомъ, вся его фигура дышетъ бодростью, энергіей—за-
битость отъ бѣдности какъ рукой снимаетъ, въ глазахъ
отсвѣчиваютъ искорки былой свободы, и видно, что
мозгъ его работаетъ усиленно въ извѣстномъ на-
правленіи. Стройной чредой проходятъ предъ его взо-
ромъ богатыри былыхъ дней, о чемъ свидѣлствуютъ
курганы и могильники, слышится ихъ могучій призывъ
на борьбу съ киргизъ-кайсаками и татарами, полонив-
шими ихъ степь отъ Каспія до Узеня...

Спустя мѣсяцъ послѣ поѣздки по улусамъ, я встрѣ-
тилъ въ Ханской ставкѣ своего спутника полковника,
формировавшаго и здѣсь партію лошадей.

— Я вамъ говорю, что это калмычье—мерзавцы...
Угнали у меня четырехъ лучшихъ лошадей и точно
сквозь землю провалились... Будь моя воля,—всѣхъ бы...
То-ли дѣло вотъ киргизы — телята: хочешь — за рожки
бери, а хочешь—подъ брюхо полѣзай...

Полковникъ перевелъ духъ.

— Ну, да скоро ихъ скрутятъ голубчиковъ—въ Астра-
хани я слышалъ, что хотятъ для казаковъ отрѣзать до-
брую полосу отъ калмыцкихъ земель...

„Ну, тогда скрутятъ“,—подумалъ я...

III.

По Тургайской степи.

Бодрой рысью бѣжали наши „аргамаки“, прорѣзая ковыльную степь безъ дороги. Мы мѣрно покачивались на просторныхъ киргизскихъ сѣдлахъ, стараясь не отставать отъ нашихъ проводниковъ—двухъ почтенныхъ киргизовъ, отряженныхъ любезнымъ аульнымъ старшиной сопровождать насъ по водораздѣлу рр. Кара-Хобда и Сара-Хобда, съ цѣлью выясненія количества сѣнныхъ запасовъ.

Кругомъ разстилатась безграничная степь... Высокій ковыль, слегка волнүемый вѣтромъ, волнами уходитъ вдаль, придавая степи блѣдно-желтый колоритъ, и сливался на горизонтѣ съ струйчатымъ маревомъ... Перистая облачка убирали небосклонъ, и въ нихъ, точно въ kaleidoscope, переливались различные оттѣнки отраженныхъ лучей солнца, благодаря чему степь вся была полна большими и малыми миражами, самыхъ причудливыхъ построений... Въ выси звенѣли пѣсни жаворонковъ, въ честь которыхъ и названа степь (тургай—жаворонокъ); по изволокамъ, въ сторонѣ, бродили стада дрохвъ, осторожно провожая насъ взглядами. Иногда попадались косяки верблюдовъ, которые сначала съ присущимъ этимъ животнымъ любопытствомъ присматривались къ нашей кавалькадѣ, но лишь только мы приближались, какъ „корабли степей“, задравъ свои куцые хвосты, опрометью бросались впередъ и скоро исчезали въ ближайшей балкѣ...

— Экая благодать! — вырвалось у моего спутника, командированнаго губернаторомъ въ помощь мнѣ.

Я не поддержалъ его, — весь я отдался созерцанію чудной степной панорамы, растопившейся предъ на-

шими взорами. Три года я провелъ въ Зауральскихъ степяхъ, изрѣзавъ ихъ немало, но каждый разъ, когда приходилось снова углубляться въ предѣлы киргизскихъ владѣній, я быстро поддавался очарованію степнымъ просторомъ, въ которомъ чувствовалась свобода, простота жизни и отсутствіе того нагара, который такъ обыченъ въ городской бюрократической сутолоцѣ.

— Досадно даже, что такая-то благодать зря пропадаетъ,—снова началъ мой спутникъ.—Дать бы нашимъ „рассейскимъ“ мужичкамъ—сколько бы добра они здѣсь добыли! Всюду бы потянулись обозы съ золотистою пшеницей, каждая бы пядь земли была использована, и степь проснулась бы отъ своей вѣковой дремы... А то что теперь? Киргизы все равно голодаютъ, вырождаются, земли лежатъ безъ пользы, между тѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ крестьянскіе надѣлы скоро дойдутъ до аршина на душу.

— Ну, а какъ же киргизы? — спросилъ я, недоумѣвая.

— Что киргизы! Ихъ пѣсенка спѣта теперь. Вы слышали, конечно, про статистико-землемѣрные экспедиціи? Тамъ вотъ онѣ назначили каждой кибиткѣ въ среднемъ по 130 десятинъ, а остальная земля отойдетъ переселенцамъ. Ну что киргизу 130 десятинъ? Ужъ если онъ съ тысячами десятинъ голодаетъ, то со 130-ю ему совсѣмъ карачунъ.

Это жестокое, безсердечное „карачунъ“ слышится повсюду въ степи, и прежде всего его повторяютъ на всѣ лады сами киргизы. Въ немъ чувствуется что-то зловѣщее, безнадежное... Вотъ и теперь—услышали его наши проводники, попридержали своихъ иноходцевъ и стали вслушиваться въ непонятную для нихъ рѣчь, надѣясь уловить смыслъ ея по отдѣльнымъ словамъ.

— Солай... Солай... (такъ... такъ...) карачунъ...—подтвердилъ старшій изъ проводниковъ, печально улыбаясь.

Этотъ „карачунъ“ неизбеженъ при существующей

формъ хозяйства и землепользованія у туземнаго киргизскаго населенія. Главное занятіе киргизовъ — скотоводство — зиждется на началахъ самого примитивнаго содержанія. Круглый годъ скотъ выпасывается на подножномъ кормѣ, будучи лишень всякихъ запасовъ на случай бурана, почему хозяйство кочевника, а отсюда и благосостояніе его всецѣло зависятъ отъ капризовъ природы: одинъ буранъ, одна гололедица превращаютъ богача въ нищаго, сметають тысячи головъ, обѣдняя степь этимъ единственнымъ источникомъ жизни номада. Такая примитивная постановка хозяйства требуетъ постоянныхъ перекочевковъ стадъ съ зимнихъ пастбищъ на лѣтнія, причемъ эти послѣднія опредѣлены для каждаго рода съ незапамятныхъ временъ. Форма пользованія угодьями, существующая у киргизовъ, — родовая, создана на принципѣ давности и правъ сильнаго; приэтомъ замѣчается постепенный переходъ этихъ угодій изъ рукъ бѣднаго класса къ богатѣямъ, а отсюда кадръ „джатаковъ“, т. е. бѣдняковъ, значительно прогрессируетъ. Въ настоящее время колебанія въ количествахъ земли, находящейся въ пользованіи у каждаго хозяйства-кибитки, крайне рѣзки и не соотвѣтствуютъ потребностямъ послѣдняго: отъ нѣсколькихъ десятковъ и до нѣсколькихъ тысячъ десятинъ.

Для установленія нормы пастбищныхъ угодій, при которой типичное хозяйство кочевника не только могло бы безбѣдно существовать, но и прогрессивно развиваться, статистическая экспедиція, о которой упомянулъ мой спутникъ, исходила изъ средняго количества скота у каждаго хозяйства, опредѣливъ это среднее въ 16 головъ, а чтобы не впасть въ ошибку въ сторону урѣзки, прибавили 50 проц., т. е. расчетъ произведенъ на 24 головы. Затѣмъ единицей утилизаціи пастбищъ взята лошадь и на нее переведены всѣ остальные виды животныхъ; взять средній урожай травъ даннаго года (года производства работъ—1897—98 г.), ка-

чество пастбищъ, зимнихъ и лѣтнихъ, исчислены приблизительные доходы отъ такого хозяйства, — и сводка всѣхъ этихъ цифровыхъ данныхъ привела экспедицію къ выводу, что у киргизовъ останется значительный излишекъ земли, при наръзкѣ на хозяйство отъ 140 до 160 десятинъ: излишекъ—годный для колонизаціонныхъ цѣлей. Отчужденіе этого излишка не вызоветъ, по мнѣнію экспедиціи, ни малѣйшаго матеріальнаго ущерба для средняго типичнаго кочевого хозяйства, а, напротивъ, распредѣляя угоды болѣе точно по потребностямъ каждаго кочевника, создается полная возможность надѣленія землею безземельныхъ и малоземельныхъ киргизовъ, т. е. уничтожается право сильнаго и богатаго, которое въ настоящее время служить основнымъ моментомъ въ землепользованіи киргизовъ.

Но если кочевникъ, при настоящихъ условіяхъ пользованія своими пастбищами, переживаетъ довольно печальный экономическій кризисъ, — то что же его ожидаетъ при той „нормѣ“, на которую его обрекаетъ статистическая экспедиція? Несомнѣнно—быстрое и вѣрное обнищаніе и, какъ неотвратимое послѣдствіе этого, вырожденіе народности. При умѣнии, хотя бы самомъ незначительномъ, приспособляться къ жизненнымъ условіямъ, при сознаніи необходимости ломки стараго порядка въ хозяйствѣ, при подготовкѣ къ новой системѣ веденія послѣдняго, норма въ 140—160 дес. на кибитку выполнѣ даже болѣе чѣмъ достаточная для раціональнаго скотоводческаго хозяйства... Но, вѣдь, этихъ трехъ основныхъ факторовъ пока нѣтъ у киргизовъ! Правда, проектируемая ломка явится стимуломъ къ скорѣйшему переходу *volens-nolens* къ новой системѣ хозяйничанія, — но гдѣ ручательство того, что этотъ толчокъ не явится грознымъ шкваломъ, который съ беспощадностью поглотитъ кочевника? Его, т. е. ручательства, нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ въ настоящее время туземное населеніе совершенно не подготовлено къ принятію ко-

колонизационной волны, которая, въ силу этого, несомнѣнно смоетъ кочевника съ его нехитрымъ хозяйствомъ. Доказывается это опытомъ переселенія въ тургайскія степи въ 80-хъ годахъ, когда громадная площадь киргизскихъ земель хищнически использована новоселами и проценты „джатаковъ“ прогрессировать съ поразительною быстротою.

Преклоняясь предъ массой цифровыхъ выкладокъ, сдѣланныхъ экспедиціей, не сомнѣваясь въ научности статистическихъ изслѣдованій послѣднихъ и логичности выводовъ, нельзя не признать громадныхъ пробѣловъ въ этихъ изслѣдованіяхъ, въ практической приложимости ихъ, такъ какъ съ бытовыми традиціями кочевника, установившимися вѣками и создавшимъ существующую форму землепользованія и хозяйства, иначе говоря,—съ самой жизнью, нельзя не считаться; въ противномъ случаѣ, устраивая новосела, мы обрекаемъ кочевника на вѣрное разрушеніе. А не слишкомъ ли велика подобная жертва—особенно, когда есть возможность обойтись безъ нея? Отвѣчаетъ ли, наконецъ, это принципамъ общегосударственной политики и колонизационнымъ дѣлѣмъ?..

Вдали замаячилъ всадникъ, который быстро приближался къ намъ, беря наперерѣзъ. Ловко осадивъ своего взмыленного аргамака предъ самой головой моей лошади, киргизъ снялъ малахай и, откланявшись поклономъ, обратился ко мнѣ съ обычнымъ привѣтствіемъ, продолжалъ то же самое съ моими спутниками, а потомъ передалъ приглашеніе отъ своего господина, почтеннаго „аксакала“ Баяке, заѣхать къ нему въ аулъ.

Баяке я зналъ давно, еще въ пору своей жизни въ Тургайской степи, а потомъ онъ, бывая часто въ Петербургѣ, въ качествѣ ходатая отъ своего народа по разнымъ земельнымъ вопросамъ, обязательно дѣлалъ мнѣ визитъ, подробно знакомилъ съ новостями, происшедшими въ степи за мое отсутствіе, и настойчиво звалъ

къ себѣ въ гости, когда я буду въ степи. Приглашеніе было какъ нельзя кстати: во-первыхъ, мы всѣ сильно утомились, пройдя 20 верстъ верхомъ, подъ палящими лучами солнца, а во-вторыхъ, я оплачивалъ этимъ визитъ, что въ глазахъ киргиза имѣетъ довольно существенную цѣнность.

Черезъ полчаса мы сидѣли въ богатой кибиткѣ и съ наслажденіемъ утоляли жажду прекраснымъ кумысомъ. Разговоръ быстро завязался: все та же злободневная тема о русской колонизаціи степи и о судьбѣ киргизскаго народа.

— Слушай, Баяке,—возражалъ и на его горячую реплику противъ русской колонизаціи.—Ну, отложить переселеніе на 5—10 лѣтъ—да, вѣдь, отъ этого дѣло мало выигрываетъ? Все равно, рано или поздно, а Тургайская степь войдетъ въ колонизаціонный районъ, и киргизамъ придется считаться съ неумолимой необходимостью уступить часть своихъ земель. Если вы, киргизы, за сорокъ лѣтъ общенія съ русскими не могли подготовитъ себя, находясь въ лучшихъ условіяхъ, къ воспріятію колонизаціонной волны такъ, чтобы она оказалась не разрушающей стихіей, а плодоноснымъ плотмъ,—то что значать 5—10 лѣтъ?

Баяке одушевился, глаза его заблестали фосфорическимъ блескомъ, смуглое лицо разгорѣлось.

— Ты говоришь общеніе съ русскими?—началь онъ.—А какое оно было, въ чемъ выражалось—ты не знаешь. Мы имѣемъ властей, но задачи ихъ исчерпываются пока наблюденіемъ за точной и аккуратной уплатой податей, въ собираніи пожертвованій на стипендіи, подношенія, въ предписаніяхъ выполнять тѣ или другія мѣры въ борьбѣ съ гололедицей, засухой, неурожаемъ, не соображаясь съ тѣмъ, мыслимо ли это выполненіе, приложимы ли въ киргизской степи всѣ эти мѣры, измышленныя въ російской канцеляріи... Взять хотя бы народное образо-

ваніе: на бумагѣ у насъ—цѣлая сѣть аульныхъ школъ, благодаря которой Тургайская область въ славу вошла, но на самомъ дѣлѣ изъ 100 такихъ школъ 5—10 влечатъ еще кое-какое существованіе. А почему? Вся бѣда въ томъ, что, въ силу какого-то непонятнаго взгляда, строго преслѣдуется нашъ языкъ: на немъ запрещено преподавать въ киргизскихъ школахъ, киргизскимъ властямъ запрещено сноситься въ оффиціальныхъ бумагахъ. Даже газета преподносится намъ на русскомъ языкѣ. Ну, посуди самъ: возможно ли, не понимая ни звука по-русски, воспринять что-нибудь изъ подобнаго просвѣщенія, хотя бы оно было полно обиліемъ всякихъ благъ для киргизовъ. Не все ли равно, на какомъ языкѣ ведется просвѣщеніе? Вся суть въ томъ, чтобы оно просвѣтило своимъ свѣтомъ знанія, а не въ томъ, какъ проникъ этотъ свѣтъ; путемъ ли киргизскаго, сартскаго, русскаго или санскритскаго языка... Это—одна форма общенія, а вотъ и другая, болѣе непосредственная,—съ русскими переселенцами. Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы, имѣя въ теченіе 20 лѣтъ наглядный примѣръ разумнаго земледѣльческаго труда, не научились ему. Но тутъ—опять недоразумѣніе: насъ не только не старались заинтересовать, пріохотить къ этому труду, а, наоборотъ, вселяли отвращеніе, доказывали, что только люди, обреченные Богомъ на страданія, могутъ имъ заниматься. Тебѣ самому, вѣроятно, не разъ приходилось наблюдать такую картину: полевые работы—въ разгарѣ; переселенцы, обливаясь потомъ, взрываютъ землю, тяжело волочась за плугомъ; всѣ—оборванные, голодные, исхудалые. И тутъ же, верхомъ на сытомъ маштакѣ, наблюдаетъ любопытный киргизъ. Онъ уже начинаетъ вдумываться, пытается разрѣшить загадку такой каторжной работы; но вотъ приближается пахарь, останавливаетъ плугъ, вытираетъ потъ рукавомъ грязной рубахи и заводитъ рѣчь съ киргизомъ.

— Ну и житѣ тебѣ, малайка! Получишь съ насъ

аренду, да и спокоенъ: развѣзжай себѣ по полямъ, ашай барана, пей кумысъ... А тутъ вотъ изнывай!..

И „малайка“ еще больше укрѣпляется въ своемъ мнѣніи, что земледѣльческій трудъ—трудъ несчастныхъ. Трудъ паріевъ, рабовъ, и онъ съ презрѣніемъ отворачивается отъ него. Переселенцу же это на руку—онъ распахиваетъ себѣ киргизскія земли, платя по 30—50 к. аренды за десятину, чего, конечно, не было бы, если бы киргизы сами стали воздѣлывать свои земли.

Баяке допилъ свой кумысъ, совершилъ краткій обычный намазъ и вдругъ неожиданно закончилъ:

— Ты вотъ хорошо насъ знаешь, долго жить, — ну, скажи по правдѣ: чуждались мы образованія, не принимали хорошаго, разъ это было съ разумомъ растолковано и примѣнено?

Да, я знаю, что киргизы имѣютъ всѣ задатки къ цивилизаціи и культурному совершенствованію; это проглядываетъ въ прогрессирующемъ процентѣ учениковъ-киргизовъ, переполняющихъ двухклассныя и ремесленные училища, учительскія семинаріи, гимназіи, увеличивающійся процентъ учащихся въ университетахъ и въ специальныхъ заведеніяхъ. Къ сожалѣнію, это стремленіе не поощряется въ должной мѣрѣ, а все сводится къ чисто формальному „обрусѣнію“ степи, въ которомъ видятъ альфу и омегу цивилизаціи для киргизскаго края. Знаю также, что киргизъ можетъ быть прекраснымъ хлѣборобомъ, имѣя сметку и терпѣніе, но, опять таки, эти задатки не поощряются, не развиваются путемъ наглядныхъ и вполне раціональных опытовъ.

Словомъ, много трактуя о русско-киргизскомъ единеніи, о великой задачѣ колонизаціи, мы въ то же время не замѣчаемъ самаго грубаго поправанія принциповъ этихъ двухъ факторовъ культурнаго воздѣйствія.

Къ вечеру мы снова перерѣзали ковыльную степь, любуясь ея переливчатымъ маревомъ, причудливыми

степными пейзажами, которые въ этомъ мѣстѣ не были однообразными и скучными.

— Ну, что вы скажете, — спросилъ я своего спутника, — по поводу доводовъ Баяке?

— Тутъ самъ чортъ не разберетъ! Слушаешь сторонниковъ переселенія, — какъ будто они правы, а вотъ когда такой умница, какъ Баяке, набросаетъ картинку изъ настоящей, а не нашей, канцелярской, жизни, — такъ невольно сочувствуешь имъ... А вся бѣда въ томъ, что мы, призванные пещись о киргизахъ, мало какъ-то вдумываемся въ ихъ жизнь, зарывшись въ свои бумаги. Приѣдетъ какой-нибудь „особыхъ порученій“, — ну, ему сейчасъ все „съ формальной стороны“, да „согласно высшимъ соображеніямъ“ и начнешь выкладывать съ апломбомъ о киргизахъ, ихъ бытѣ, правовыхъ и семейныхъ отношеніяхъ, а самъ дальше аула Сента, куда „на барана“ ѣздитъ наша городская знать, и не бывать...

Разговоръ прервался... Грустно стало какъ-то отъ всего слышаннаго... А степь по прежнему безгранично разстилаетъ свою ковыльную ширь, по прежнему убѣждаетъ въ безконечную даль... Только нѣтъ въ ней прежнего простора, нѣтъ вольницы киргизской! Повисла надъ ней туча грозовая, и не дай Богъ разразиться ей: смететъ немудреное хозяйство киргиза, а самого, когда-то „сына вольной степи“, превратитъ въ жалкаго пасынка человечества...

IV.

На Тересъ-Бутакъ.

Послѣ многодневнаго путешествія по киргизскимъ ауламъ Актюбинскаго уѣзда, я рѣшилъ отдохнуть на вершинахъ р. Тересъ-Бутакъ, гдѣ когда-то сотни кибитокъ пзъ разныхъ областей кочевали съ своими многочисленными стадами, а теперь всюду зеленѣютъ посѣвы новоселовъ-арендаторовъ.

Грустно стало при такомъ быстромъ превращеніи дѣвственной ковыльной степи въ сплошную пахоть, грустно не потому, что культурный плугъ земледѣльца вытѣснилъ первобытнаго пастуха-киргиза, не потому, что трудовой трудъ хлѣбороба смѣнилъ „безпечную, лѣнивую жизнь кочевника“—нѣтъ, грустно стало отъ мысли, что черезъ 5—10 лѣтъ эта безграничная степь по Тересъ-Бутаку вступитъ въ послѣднюю фазу своего превращенія: плодородные суглинки и супесь уступятъ мѣсто бесплодной песчаной выпашки, золотистая пшеница—чертополоху и солянкамъ... Такая печальная судьба постигла уже многія тысячи десятинъ ковыльныхъ земель всюду тамъ, гдѣ водворился переселенецъ. Вотъ примѣръ: въ 80-хъ годахъ вблизи укр. Акъ-Тюбе въ два года выросъ, чисто по-американски, обширный переселенческій поселокъ, численность дворовъ котораго достигла 500; на каждый дворъ отведено (при этомъ не обошлось безъ энергичнаго протеста со стороны киргизовъ) по 30 дес. отличной земли. Кажется, можно бы хозяйничать, особенно послѣ 1—2 дес. на старинѣ. Но актюбинскій новоселъ иначе распорядился своимъ „вольготнымъ“ положеніемъ: черезъ 8 лѣтъ мнѣ лично пришлось принимать участіе въ перемѣрѣ отведенныхъ участковъ, въ виду жалобъ переселенцевъ на малозе-

мелье, причемъ девять десятыхъ оказалось дѣйствительно негодной выпашью, благодаря хищнической системѣ воздѣлыванія 3—4 года подрядъ одной пшеницы. Мало того, на 30—40 верстъ по радіусу всюду распаханы киргизскія земли. Лѣса и таль вырублены, дуга и камыши выкошены,—а кобылка, ютившаяся въ этихъ мѣстахъ, стала откладывать яички по пашнямъ и окончательно добила хозяйство новосела. Тогда послѣдній проникъ въглубь степи, на правахъ арендатора, и снова принялся за свое хищничество...

Въ одной изъ кибитокъ я засталъ статистика и группу киргизовъ, преимущественно властей, и немало подивился: на кошмѣ висѣли въ разныхъ направленіяхъ веревочки, кое-гдѣ были разставлены камешки; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стояли стаканъ, чайникъ, кусокъ дерева. Статистикъ ползалъ по кошмѣ, справляясь съ компасомъ, и разставлялъ всѣ эти предметы, согласно указаніямъ апатично возсѣдавшихъ киргизовъ. Такъ производилось *статистико-экономическое изслѣдованіе киргизской степи!* Не стану здѣсь говорить о результатности подобной работы, такъ какъ это въ задачу очерковъ не входитъ. Ограничусь лишь указаніемъ на то, что такія изслѣдованія не могутъ дать, по нашему мнѣнію, даже грубо-приблизительнаго рельефа, направленія, размѣра, не говоря уже о цифрахъ опроса о хозяйственномъ положеніи: киргизы умышленно давали невѣрные свѣдѣнія и въ этомъ они искусились въ достаточной мѣрѣ...

Кончена работа. На кошмѣ, вмѣсто веревочекъ, да камней, висѣтъ годами нечищенный самоваръ, пахнетъ кизякомъ и паренымъ чаемъ.

Я сталъ зондировать статистика, насколько онъ самъ убѣжденъ въ результатности своей работы, и оказалось, что онъ тоже „скептически“ относится къ отвѣтамъ киргизовъ.

— Да не въ этомъ дѣло,—круто повернувшись ко

мнѣ, продолжалъ статистикъ,—а въ томъ, что такъ или иначе, надо покончить съ киргизской безпечностью, кочевой лѣнью: надо, наконецъ, дать киргизамъ новую, болѣе культурную и болѣе обезпечивающую экономическое равновѣсіе форму жизни. Нельзя такъ игнорировать въ теченіе многихъ лѣтъ эти плодороднѣйшія земли во имя сантиментальныхъ идей, когда тысячи крестьянъ изнемогаютъ отъ малоземелья. Тутъ—вопросъ борьбы за существованіе, шкурный вопросъ, попросту говоря, а если мишталничать съ киргизами, то русскій мужикъ вырождается отъ сплошныхъ голодовокъ... Пусть эта борьба пойдетъ естественнымъ путемъ,—конечно, при болѣе или менѣе равныхъ условіяхъ. Выработать эти условія—дѣло правительства на основаніи статистико-экономическихъ изслѣдованій...

— Да, но вѣдь должно, мнѣ кажется, знать самымъ основательнымъ образомъ не только сумму всѣхъ данныхъ, изъ которыхъ складывается жизнь кочевника, но и понимать причины, сложившія такъ, а не иначе эту жизнь. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ объяснять послѣднюю глупостью, неразвитіемъ и т. д.

— До тѣхъ поръ, пока мы будемъ, сидя на берегахъ Невы, вести споры о точкахъ зрѣнія на кочевую жизнь, киргизъ останется полудикимъ кочевникомъ. Нужно влить въ его среду струю здороваго культурнаго труда, которая смыла бы гнилые устои кочевой жизни и показала тѣмъ самымъ, что пора приниматься за новую болѣе осмысленную жизнь. А это сдѣлаетъ нашъ переселенецъ—колонизаторъ русскихъ окраинъ.

Такъ возражалъ мнѣ статистикъ и рѣши его не были для меня новостью. Слышалъ я ихъ и отъ мѣстныхъ русскихъ властей, и въ стѣнахъ вольно-экономическаго, географическаго, переселенческаго обществъ: реплики, цифры подавляли своимъ множествомъ, но не убѣдительно. Бѣда вся въ томъ, что большинство нашихъ изслѣдованій страдаетъ крайней скороспѣлостью,

а отсюда въ выводахъ нѣтъ должной вдумчивости. Да и откуда ее взять, если на обследованіе и изученіе затрачено 1—2 мѣсяца, когда, „вскую шаташася“, чиновникъ-обслѣдователь прокатится только изъ конца въ конецъ, побесѣдуетъ, не выѣзая изъ тарантаса, съ однимъ — двумя новоселами, да съ десяткомъ своихъ возницъ-киргизовъ, и смотришь: томъ,—другой, пересыпанные цифровыми выкладками, готовы...

Какъ совершеннѣйшій антиподъ всѣмъ этимъ скороснѣлымъ выводамъ и заключеніямъ о логичности скорѣйшаго заселенія киргизскихъ степей русскими переселенцами, является мнѣніе дѣйствительнаго знатока нашихъ юго-восточныхъ окраинъ, бывшаго военнаго губернатора Тургайской области, г. Гейнса, извѣстнаго въ литературѣ 50-хъ годовъ своими трудами изъ жизни инородцевъ. Уже тогда, 30 лѣтъ тому назадъ, надъ степью висло роковое: „быть или не быть“, и, кажется, большинство склонялось за то, чтобы было обрусѣніе края путемъ заполнения степи переселенцами: но вѣскій голосъ Гейнса, горячо протестовавшаго противъ подобной мѣры, задержалъ ея гибельную реализацію. Совершенно логично онъ призывалъ не забыть, что бессмысленные порядки и убѣжденія,—разъ они существуютъ,—совершенно разумны въ глазахъ тѣхъ людей, которые ихъ держатся, и логически вытекаютъ изъ природы мѣстности, ими обитаемой, образа жизни, образованія и направленія, даннаго народной жизни исторіей... Сторонники немедленнаго заселенія степей русскими должны предположить, что киргизы могутъ разомъ перескочить долги столѣтія, употребленные исторіей для превращенія кочевника, когда-то населявшаго Европу, въ челоуѣка, познавшаго всѣ выгоды осѣдлости. Между тѣмъ, всѣмъ отлично извѣстно, что матеріальное благосостояніе Европы и широта европейскаго взгляда сложились не вдругъ, а формировались постепенно. Пастухи-кепцы, гонявшіе когда-то свои стада на холмахъ Валлиса и

Шотландіи, имѣли, вѣроятно, эпоху, когда смотрѣли на весь свѣтъ тѣми же глазами, какими на него смотрятъ теперь наши киргизы: но, конечно, нельзя себѣ представить той силы, которая могла бы заставить кельтовъ думать такъ, какъ думаютъ нынѣшніе ихъ потомки. Не надо забывать истину, что измѣненіе понятій людей зависитъ отъ измѣненія всей ихъ жизни,—обусловленной, воздѣланной дикой природой, бытомъ, образованіемъ, исторіей, и не во власти ихъ измѣнить эти понятія, если не измѣнились условія, ихъ породившія. Поэтому-то убѣдить киргизовъ въ превосходствѣ осѣдлой жизни можно только тогда, когда они *смогутъ это понять и почувствовать*; возможно же достигнуть этого только путемъ обезпеченія кочевой жизни, развитіемъ благосостоянія киргизовъ, вполне раціональной постановкой образованія и открытіемъ средствъ для выгоднаго сбыта продуктовъ нарождающагося киргизскаго земледѣлія. Въ этого нѣтъ средствъ измѣнить существующее міросозерцаніе киргиза: онъ по прежнему искренно и чисто-сердечно будетъ находить всѣ совѣты и убѣжденія невѣрными, не отвѣчающими его пуждамъ и пониманію, почерпнутыми изъ какой-то иной, ему совершенно чуждой жизни. И во всемъ этомъ онъ будетъ правъ.

Постоянно приходится слышать, что современная форма киргизскаго землепользованія — одно изъ золъ благосостоянія киргизовъ: въ то время, какъ богачъ, въ силу своей какой-то наслѣдственной авторитетности, а то и просто по праву захвата, насчитываетъ тысячи десятинъ земли у себя, бѣдняки-безземельные идутъ къ нему въ пастухи, батрачатъ. При равномѣрномъ, по благосостоянію cadaго, распредѣленіи этого-де не будетъ и землепользованіе улучшится...

Подобное мнѣніе какъ нельзя лучше служить доказательствомъ полнаго незнанія бытовой стороны киргизовъ. Примѣръ налицо. Когда въ Тургайской области въ 90-хъ годахъ форсированно начали „обкультурировать“

киргизовъ, то первое, что сдѣлали въ экономической области, было обложеніе покбиточной податью по благосостоянію, т. е. по количеству скота. Теоретически, вѣрнѣ канцелярски, это—справедливо; но практически это не только не дало экономического подъема, а еще больше ухудшило положеніе кочевника. Сила обычая оказалась такъ велика, что хотя по списку подати распределены „по благосостоянію“, хотя сумма взноса богача превосходитъ въ 10—20 разъ взносъ бѣднаго, но это—простой обходъ закона, фикція: между собой киргизы по прежнему распределяютъ взносы покбиточно, и богачъ, пользующійся обыкновенно неограниченною властью въ своемъ родѣ, съ лихвой взыщетъ разницу въ уплатѣ податей. На это указывалъ одинъ изъ извѣстныхъ дѣятелей въ степи, бывшій уѣздный начальникъ Сунгуровъ; но подобное указаніе осталось не использованнымъ, а лишь послужило причиной ухода со службы. То же самое постигнетъ и новый проектъ земельного уравненія: никогда богачъ-киргизъ не разстанется со своими тысячами десятинъ, хотя официально будетъ владѣть только 150—200 дес. Подобное положеніе вещей будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока кочевникъ не достигнетъ того уровня развитія, при которомъ законность и свобода личности идутъ впереди обычая дѣдовскаго,—а случится это, конечно, не при современной политикѣ обрусенія. Вѣдь все то, что теперь проектируется въ отношеніи киргизскихъ степей, предполагаетъ тотъ же смертный приговоръ, произнесенный надъ 50,000 кибитками или 200,000 душами, о которомъ предупреждалъ Гейнсъ 25 лѣтъ тому назадъ...

V.

„Сказочная сторона“.

Крутой подъемъ по ступенчатому зубчатому склону горы Иремель кончился и мы вступили въ предѣлы Гирей-Кипчакской волости, центра „дикой Башкиріи“. Это горное плато, служившее когда-то грозной цитаделью, представляетъ теперь одинъ изъ живописнѣйшихъ уголковъ, могущихъ поспорить красотою природы съ любымъ швейцарскимъ видомъ.

— Мы въ самомъ сердцѣ Башкиріи. Здѣсь еще можно встрѣтить кое-гдѣ уголки, сохранившіе нравы и обычаи прежней „свободной“ Башкиріи, гдѣ еще можно слышать преданія старины...—проговорить мой любезный спутникъ, земскій врачъ, прослужившій здѣсь 15 лѣтъ. Вхали мы „по голодному дѣлу“.

Дорога шла въ горахъ, то круто спускаясь къ звонко шумящему горному ручью, то врѣзываясь въ чащу тѣнистаго и зловѣщаго своей тишиной вѣкового лѣса, то снова поднимаясь на отлогіе горные края и змѣйкой извиваясь на скалахъ... Вдали синѣли шиханы, голыя вершины которыхъ окутывались красноватымъ блескомъ вечерней зари... Красавица Вѣлая причудливо извивалась въ узкой долинѣ, каскадами неслась въ горныхъ ущельяхъ... Маленькіе плотники, съ полунагими башкирами, стремглавъ неслись по ней, то исчезая на мгновенье въ тѣнистой пучинѣ у подножія горнаго отрога, то лѣниво покачиваясь на тихихъ заводяхъ у группы склонившихся надъ водою дубовъ. Кое-гдѣ на берегу виднѣлись кочевья башкиръ съ ихъ жалкими шатрами, со слабо мерцающими огнями подъ котлами, вокругъ которыхъ живописными группами расположились баш-

киры и слушали заунывные пѣсни, подъ аккомпаниментъ чибызги, о былыхъ славныхъ дняхъ...

— Это слабый отблескъ прежней башкирской жизни,—проговорилъ врачъ, показывая рукой на аулы, раскинушіеся по долинамъ р. Бѣлой. А—вотъ вамъ и настоящая жизнь этого племени, безъ всякихъ прикрасъ,—продолжалъ онъ, повернувшись въ противоположную сторону.

Я обернулся. У дороги расположилась на ночлегъ башкирская семья, состоящая изъ мужа, жены, мальчика-подростка и грудного ребенка, барахтавшагося въ лубочномъ ящикѣ, поставленномъ на двуколесную тележку. Котелокъ, три серпа, кувшинъ, небольшой узелъ тряпья—вотъ и весь скарбъ семьи. Сами путники были одѣты въ жалкія лохмотья.

Когда нашъ тарантасъ поровнялся съ тележкой, башкиръ изобразилъ на своемъ истощенномъ лицѣ что-то вродѣ улыбки, снялъ войлочный малахай и приветствовалъ доктора на ломаномъ русскомъ языкѣ:

— Здрастуй, дохтуръ-бачка!

— Здорово, здорово, Сафа! Серпить идешь?

— Серпить, бачка... Стерлитамакъ серпить...

— Ну, желаю побольше заработать!

— Спасибо, бачка... Хорошій ты шеловикъ (человѣкъ)...

Тарантасъ нашъ покатится дальше.

„Вотъ она какова судьба этихъ, когда-то вольныхъ, сыновъ Башкиріи... Вотъ они каковы обитатели „сказовой стороны“, съ грустью подумалъ я.

Послѣдующія знакомства съ Башкиріей и наблюденія надъ ея современной жизнью не только не смягчили этого перваго безотраднaго впечатлѣнія, но придали ему еще болѣе мрачный колоритъ.

Послѣ знаменитой эпопеи расхищенія башкирскихъ земель, когда десятина ковыльнаго чернозема шла за 20—30 коп., а строевого лѣса за 80 к.—1 р., благосостояніе башкира-кочевника быстро пошло къ упадку. Устои и традиціи старины неожиданно рухнули, и немолчаливая культура, въ видѣ „чумазаго“, успѣшно подготавливаетъ почву для вырожденія цѣлаго племени. Самостоятельное хозяйство даже для самаго нетребовательнаго человѣка, при условіи содержанія на приколѣ единственной козы—все домашнее хозяйство большинства башкиръ—положительно невозможно, и, благодаря этому, батрачество явилось для башкиръ единственнымъ исходомъ. Такимъ образомъ, если для сельскаго хозяйства недородъ составляетъ бѣдствіе, то для башкира-батрака онъ уже создаетъ безвыходное положеніе, тѣмъ болѣе, что у башкиръ совсѣмъ не наблюдается отхожихъ промысловъ, а районъ переходовъ ограничивается всего нѣсколькими десятками верстъ по радіусу.

Крайне оригинальна, но, вмѣстѣ съ тѣмъ и печальна картина этихъ переходовъ. Батрачить обыкновенно вся семья, а потому и поднимаются на заработки, какъ говорится, „всѣмъ домомъ“. Справить башкиръ небольшую плетеную или лубочную телѣжку-одноколку, посадить туда малыхъ ребятъ, уложить самый необходимый скарбъ, въ видѣ серповъ, косъ, лохмотьевъ, хлѣба, впрягается самъ, жена подталкиваетъ сзади, а вокругъ группируются остальные члены семьи, отъ малаго до стараго; и вотъ такими кавалькадами переходятъ батраки, въ поискахъ работы, десятки верстъ. Жутко на душѣ, когда видишь, какъ въ зной или подъ проливнымъ дождемъ двигается, еле передвигая ноги отъ усталости, оборванная, голодная семья... Невольно вспоминается, что этотъ жалкій пасынокъ челоуѣчества еще такъ недавно жилъ вполне исправнымъ хозяиномъ-скотоводомъ и, не разразись надъ его головой такая ужасная бѣда, какъ расхищеніе

земель, онъ, несомнѣнно, сталъ бы такимъ же исправнымъ хозяиномъ-земледѣльцемъ.

Какъ работникъ, особенно по уборкѣ хлѣба и по сѣнокосу, башкиръ вполне заслуживаетъ похвалы. Правда, слышались жалобы на то, что онъ тихо работаетъ, а много ѣстъ, любитъ клаязничать при расчетахъ, нарушаетъ договоры и пр. Но жалобы эти въ большей своей части неосновательны. Если башкиръ и работаетъ тихо, а ѣстъ много, то объясняется это истощеніемъ его силъ отъ хроническаго недоѣданія, а что касается недобросовѣстности при расчетахъ и нарушенія договоровъ, то подобнаго рода недоразумѣнія вызываются чаще всего работодателемъ. Нужда башкира-батрака широко эксплуатируется мѣстными сельскими хозяевами, разбогатѣвшими на башкирскихъ же земляхъ. Такъ, большинство посѣвщиковъ, особенно изъ класса „кулаковъ“, — еще зимою, когда нужда мертвой петлей захлестывается на шею батрака-башкира, законтрактовываютъ послѣдняго по 2 р. 50 к.,—3 р. за уборку хозяйственной десятины, на хозяйскомъ харчѣ. Харчъ же этотъ „хозяйскій“ ограничивается хлѣбомъ, различными отбросами, въ видѣ полутнишлой соленой рыбы, да весьма сомнительнаго качества соленой баранины. Но эти лишенія не смущаютъ башкира: онъ оживаетъ духомъ, при видѣ богатыхъ желтѣющихъ нивъ и бодро шагаетъ на базаръ для найма. Само-собою разумѣется, что его смущаетъ контрактъ съ „выручателемъ“ и взятый задатокъ, но онъ, нанявшись болѣе выгодно, сѣвшитъ возвратитъ взятое съ небольшимъ процентомъ своему „благодѣтелю“. Винить башкиръ за такое вѣроломство нельзя, хотя юридически онъ, несомнѣнно, не правъ. Но пусть читатель судить самъ по слѣдующимъ сопоставленіямъ: изъ 56 опрошенныхъ семей законтрактовано съ зимы 48 по цѣнѣ: 2 р. (42 семьи) и 2 р. 50 к. (6 семей) и пудъ муки за уборку десятины въ 3200 кв. саж.; остальные 8 семей наняты по 5—6 руб. и пудъ

муки, съ хозяйскимъ харчемъ. Въ среднемъ изъ 48 семей 41 имѣла по 3 взрослыхъ работника и по 2 малолѣтнихъ, занимающихся ноской сноповъ, варкой пищи и пр.; остальные 7 семей имѣли по 2 взрослыхъ работника и по 3 малолѣтнихъ; первыя семьи убивали десятину въ 2 полныхъ дня, вторыя въ $2\frac{1}{2}$; такимъ образомъ, дневной заработокъ каждого взрослого жнеца опредѣляется 30—35 коп., а если принять въ расчетъ работу малолѣтнихъ, то приведенная цифра заработка падеть еще ниже. Только горькая безысходная нужда заставляетъ башкира съ змы закабалить себя. Когда все, что было изъ хлѣба и скота запасено съ осени, съѣдается, когда грозитъ страшная голодная смерть, башкиръ несказанно радъ появленію „выручателя“ въ образѣ посѣвщика-кулака. „Выручатель“ въ одной рукѣ держитъ кошелекъ съ серебромъ, а въ другой условіе, закабляющее бѣдняка на все лѣто. Однако, голодъ атрофируетъ всякую свободу дѣйствій, исключаетъ протестъ противъ насилія, и... башкиръ ставитъ каракули, долженствующія изображать его фамилію. Надъ подобной эксплуатаціей не мѣшало бы серьезно призадуматься. У насъ строго преслѣдуется закономъ ростовщичество, а подобный наемъ, подобная эксплуатація безысходной человѣческой нужды развѣ не подлежатъ карѣ? Тутъ мы имѣемъ дѣло съ такимъ ростовщичествомъ, предъ которымъ блѣднѣютъ все пресловутые „жидовскіе“ проценты. Въ самомъ дѣлѣ, за 2 р. посѣвщикъ-кулакъ сохраняетъ 3—4 руб., т. е. наживаетъ на свой капиталъ 150—200 процентовъ... Между тѣмъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда башкиръ лѣтомъ протестуетъ противъ зимней условленной платы и требуетъ или повышенія ея, согласно рыночнымъ цѣнамъ, или соглашается возвратить взятый долгъ полностью съ приличными процентами, юридически правымъ остается работодатель... Вотъ почему большинство башкиръ безропотно несетъ свою кабалу, безропотно отдаетъ себя подъ прессъ мѣстнаго

посѣвщика, который съ завиднымъ усердіемъ выжимаетъ изъ своего батрака всѣ соки...

Спросъ на ручной трудъ въ Башкиріи еще довольно значителенъ, такъ какъ большинство посѣвщиковъ считаетъ машины менѣе выгодными, чѣмъ башкирскія руки. Но зато башкирамъ-батракамъ грозитъ другой видъ конкуренціи — пришлые русскіе рабочіе, которые, съ проведеніемъ Самаро-Златоустовской желѣзной дороги, начали проникать и въ Башкирію. Конечно, выиграетъ отъ этой конкуренціи прежде всего крупное хозяйство, но выиграютъ-ли пришлые рабочіе и башкиры, это — вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ разрѣшить тогда такого рода дилемму: ни земли, ни заработка! Батракъ-башкиръ будетъ бороться до послѣдней возможности, пока конкуренція пришлаго рабочаго не задавитъ его, какъ задавила кавказскаго караногайца, вышвырнувъ послѣдняго, какъ негодный отбросъ человѣчества.

Многіе видятъ причину батрачества башкиръ въ ихъ лѣни, некультурности и неумѣніи самостоятельно хозяйничать. Такое убѣжденіе снагается при видѣ тѣхъ степныхъ участковъ, которые остались еще у башкиръ и которые тѣмъ не менѣе почти заброшены или арендуются пришлымъ элементомъ. Убѣжденіе это находитъ подтвержденіе въ статистическихъ данныхъ. Такъ, въ Белебеевскомъ уѣздѣ башкиры считаются наиболѣе обезпеченными землею, а именно: владѣнія башкиръ-вотчинниковъ составляютъ 44,059/0 надѣльной площади уѣзда, между тѣмъ, какъ полевое хозяйство и скотоводство стоятъ въ послѣднемъ разрядѣ сравнительно съ хозяйствомъ остальнаго населенія, на земляхъ купцовъ, помещиковъ, государственныхъ, помѣщичьихъ, удѣльныхъ и пр. Наиболѣе высокіе средніе урожаи зарегистрированы у русскаго населенія, тогда какъ башкирскія земли по урожайности занимаютъ послѣднее мѣсто ¹⁾.

¹⁾ Труды стат. отд. Уфим. губ. зем.

	Рожь.	Овесъ.	Полба.	Греча.	Прого:
У русскихъ . . .	51,6	52,1	39,5	51	48,4
.. чувашъ . . .	53,3	40	38,3	40	48,4
.. мордвы . . .	43,3	43,3	40	—	42,3
.. татаръ . . .	42,9	45,6	46,5	31	44,4
.. башкиръ . . .	42,2	41,2	39,9	40,2	43,6

Разница эта относится „за счетъ большей культурности и трудолюбія русскаго населенія“. Башкиры же являются какъ бы помѣхой къ наиболѣе разумной и полной эксплуатаціи „прекрасныхъ башкирскихъ земель“.

Подобная отсталость башкиръ въ хозяйственномъ прогрессѣ, сравнительно съ остальными элементами населенія, замѣчается и въ скотоводствѣ. Обладая богатыми пастбищами, башкиры наименѣе обезпечены скотомъ. Такъ, въ томъ же Белебевскомъ уѣздѣ на одну башкирскую общину приходится 156,51 дес. выгона, что составитъ отъ 2 до 3 дес. на дворъ: остальное населеніе идетъ въ этомъ отношеніи по нисходящей степени отъ 1 до 0,4—0,7 дес. на дворъ: между тѣмъ, скота болѣе у русскихъ, гдѣ на дворъ приходится 15,5 гол., а у башкиръ—10,1 гол. Въ Мензелинскомъ уѣздѣ эта разница сказывается еще рельефнѣе: у башкиръ приходится на 1 дес. выгона 11,1 гол. всякаго скота, на 1 дес. сѣнокоса 2,5 гол., а у остального населенія—15—64 гол., а на десятину сѣнокоса 16—32 гол. Наконецъ, самый высшій процентъ безскотныхъ дворовъ падаетъ на башкировъ—11,2 проц., а у русскихъ—4,3 проц.

Однако, съ такимъ освѣщеніемъ статистическихъ данныхъ согласиться нельзя и ссылка на некультурность и лѣность башкиръ уже устарѣла и является просто-на-просто стремленіемъ къ болѣе легкому обоснованію сдѣланныхъ выводовъ. Необходимо взглянуть на дѣло серьезнѣе, глубже, слѣдуетъ обратиться опять-таки къ исторіи злополучной эпопеи расхищенія земель и усиленной руссификаціи башкирскаго края, такъ какъ

съ этого времени собственно и покатилося по наклонной плоскости благосостояніе нѣкогда вполне обеспеченнаго племени. Башкиръ-кочевникъ, какъ и сосѣдь его киргизъ, нестѣсняемый земельными угодами, нестѣсняемый русскимъ и вообще пришлымъ элементомъ, велъ однообразное экстенсивное хозяйство, каковая система сложилась исторически, вѣками. Въ этомъ направленіи складывался строй хозяйственного быта, торговых сношеній и башкирское племя нисколько не уступало въ духовномъ развитіи тѣмъ же чувашамъ и мордвѣ, хозяйство которыхъ держится прочно. Напротивъ, башкиры характеризуются смысленностью, болѣе широкимъ кругозоромъ, и имъ прорицали, какъ теперь киргизамъ, хорошее будущее. Но вотъ грянула бѣда неожиданно и сразу отрѣзала все пути къ прогрессивному развитію племени во всѣхъ отношеніяхъ... Расхищеніе земель, массовая эксплуатація степными кулаками—хитцами, усиленный приливъ переселенческой волны: землевладѣльческая горячка—все это явилось для башкира совершенно неожиданно, какъ *deus ex machina*. И, конечно, онъ оказался неподготовленнымъ. Сразу поставить крестъ на вѣковомъ прошломъ и взяться за земледѣльческій трудъ, совершенно ему незнакомый. Да притомъ еще при конкуренціи съ испытанными земледѣльцами—русскими, чувашами, мордвой — положительно немыслимо, и это требованіе совершенно не выдерживаетъ даже самой снисходительной критики. Если мы то же самое наблюдаемъ теперь въ киргизскихъ степяхъ, гдѣ русификація, хотя и идетъ форсированнымъ маршемъ, но все же не явилась неожиданностью, то мыслимо-ли для башкира удержать одинаковое съ пришлымъ земледѣльческимъ элементомъ хозяйственное равновѣсіе. Отъ киргиза нельзя отнять всѣхъ богатыхъ задатковъ къ успѣшному прогрессу, но уже и теперь можно замѣтить сильное паденіе кривой его хозяйства и если мапія „обрушенія“, проявляющаяся въ

формѣ вытравленія всего „нерусскаго“, даже въ предѣлахъ родной киргизу территоріи, будетъ примѣняться въ формѣ стѣсненія въ земельныхъ угодьяхъ и усиленной колонизаціи. то не за горами печальное будущее и для этого племени...

„Нужно думать,—читаемъ мы въ упомянутомъ статистическомъ сборникѣ,—что, съ уменьшеніемъ количества свободныхъ земель и увеличеніемъ населенія, башкирамъ придется перейти къ болѣе интенсивному хозяйству и болѣе тщательной, и своевременной обработкѣ земли, результатомъ чего должно явиться повышеніе урожайности прекрасныхъ башкирскихъ земель“.

Подумаешь, какъ просто разрѣшается историческая задача, какъ легко вотируется коренной вопросъ: какъ быть? Урѣжь побольше земли—скорѣе за разумъ возьмутся... Ну, а если не возьмутся, не успѣютъ взяться—тогда что? „Пропадай пропадомъ“,—какъ говорятъ сами башкиры—да?!

Башкиры, хотя и относятся къ категоріи способныхъ къ цивилизаціи племенъ, а слѣдовательно, и не осужденныхъ на вымпраніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они во всѣхъ отношеніяхъ отсталый народъ въ сравненіи съ русскимъ элементомъ и, вообще, съ тѣми народностями, которыя не жили такъ обособленно до самаго послѣдняго времени. Возьмемъ тоже хлѣбопашество. Съ одной стороны, мы видимъ исконныхъ хлѣборобовъ, искусившихся въ этомъ занятіи и сроднившихся съ нимъ въ теченіе многихъ вѣковъ, а съ другой кочевниковъ-скотоводовъ, не только не имѣющихъ даже самыхъ примитивныхъ понятій о земледѣліи, но и презиравшихъ этотъ трудъ...

Можно-ли здѣсь проводить параллель между тѣмъ и другимъ элементомъ? Обрусѣніе края, выразившееся въ грубой формѣ расхищенія, обмана и безсовѣстной эксплуатаціи мѣстнаго населенія, подѣйствовало ошеломляющимъ образомъ, надломло энергію, и въ резуль-

татѣ—сильное экономическое паденіе, пришибленность, отсутствіе всякой инициативы. Когда-же колонизація стала сильнѣе тѣснить, и обнищаніе башкира дошло до предѣловъ голода, то ему и не было другого исхода кромѣ батрачества съ его главными работами—косьбой и жнитвомъ, которыя, какъ извѣстно, не требуютъ особаго напряженія ума и соображенія.

Печальна картина жизненной обстановки башкира въ обычное время, но еще тяжелѣе получается впечатлѣніе въ голодный годъ. Тутъ ужъ по-истинѣ „кровь стынетъ въ жилахъ!“ Тутъ ужасное роковое „вымираніе“ проявляетъ свою губительную дѣятельность съ поразительнымъ успѣхомъ...

Осталась отъ „сказочной стороны“ одна быль, одно „преданіе старины глубокой“, а отъ ея народа-властелина, когда-то славнаго „своей удалью, умомъ и сметкой“,—жалкіе батраки.

БЫЛИНЫ И ПРЕДАНИЯ КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ.

О, дивный край! Какъ я люблю
Просторъ степей твоихъ ковыльныхъ...
Какъ свято съ колыбели чу
Святыни насыпей могильныхъ.

Насымбай

Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!..

Гоголь.

Однообразна безграничная степь Приаралья... На тысячи верстъ тянутся ковыльные пространства, изрѣдка прорѣзываемыя дѣпью песчаныхъ холмовъ, да голыми солонцами! Утомительно созерцать этотъ унылый монотонный пейзажъ! Съ перваго взгляда все здѣсь кажется безжизненнымъ, незамѣтно той кипучей человѣческой дѣятельности, которая быстро мѣняетъ первобытный обликъ пустынныхъ безплодныхъ мѣстъ, а народъ представляется скорѣе пасынкомъ человѣчества, безъ прошлаго и съ непрогляднымъ будущимъ.

Но это только кажется такъ... Всмотритесь ближе въ эту перекатную степь, прислушайтесь внимательно къ звукамъ пріютившейся въ ней жизни и тогда убѣдитесь, что она также отдала дань прошлому, а великій историческій процессъ не прошелъ и для нея незамѣтнымъ. Памятники прошлаго, въ видѣ могилъ и кургановъ, многое скажутъ пытливому уму археолога объ исторической жизни степи киргизскихъ ордъ. Правда, онъ здѣсь не найдетъ такихъ цѣнныхъ указаній, какъ въ какой-нибудь галло-римской гробницѣ, въ видѣ манускриптовъ, но содержаніе киргизскихъ могилъ разрѣшитъ археологу загадку прошлаго и прольетъ свѣтъ на социально-духовныя явленія жившаго въ то время народа, на догматы, на священные обряды, на житейскія потребности, или характеристическія вѣрованія, на ремесленные или художественные приемы.

Въ киргизской степи особенно много памятниковъ въ видѣ могилъ, свидѣтельствующихъ о событіяхъ, без-

смѣнной чредой проходившихъ среди кочевниковъ въ минувшія столѣтія. Преданія объ этихъ событіяхъ передаются изъ рода въ родъ пѣвцами—киргизскими баянами,—классомъ крайне поэтичнымъ и создающимъ цѣлыя поэмы на каменѣ безцвѣтнаго преданія.

Вотъ груда камней и кирпича, оставшихся отъ могильника, кругомъ холмы наноснаго песку, на которыхъ пробиваются бурьянъ и саксаулъ, а вотъ и небольшая насыпь, поросшая молочаемъ... Вокругъ тишина... Ни кибитокъ кочевниковъ, ни веселой пѣсни новосела-пахари—только вѣчно сонный сурокъ своимъ свистомъ, да степной лунь надтреснутымъ крикомъ нѣтъ-нѣтъ и прорѣжутъ застывшій воздухъ... Кажется, уже все забыто, все погребено въ нѣдрахъ земли, свято хранящей сокровенныя тайны природы, и нѣтъ той силы, которая вызвала бы этотъ уголокъ къ жизни, возстановила бы въ памяти все его прошлое.

Но вотъ киргизъ-пѣвецъ, исходившій ковыльную степь отъ Малой до Большой орды, устало опустился на одинъ изъ камней могильника, настроилъ свою звучную домбру, и полился по степи грустные аккорды... Взоръ пѣвца обращенъ на груду камней, а ухомъ онъ чутко прислушивается къ немолчному говору ручья, гремящаго вблизи насыпи... Чудится баяну, что слышитъ онъ что-то знакомое, богатая память возстановляетъ изъ жалкихъ обрывковъ эпизодъ изъ прошлаго, пылкая фантазія быстро облекаетъ неясные силуэты въ героическіе образы, и пѣсня-былина готова...

Поетъ киргизъ-баянъ про могучихъ хановъ, славныхъ батырей, про ихъ походы и дѣла. Впрочемъ, киргизскій пѣвецъ („акынъ“), строго говоря, не поетъ пазусть, а является до известной степени и творцомъ передаваемой быliny. „Киргизскій эпосъ,—говорить ориенталистъ Меліоранскій,—не представляетъ еще чего-нибудь законченнаго вполне, а состоитъ изъ массы пѣсень объ отдельныхъ батыряхъ“. Правда, главные герои и главные мо-

тивы киргизскаго эпоса уже намѣчены, но не было еще пѣвца, который, изучивъ всѣ, или, по крайней мѣрѣ, большую часть былины, связать бы ихъ вмѣстѣ, сгладить бы нѣкоторыя противорѣчія, присоединить бы здѣсь и тамъ недостающіе эпизоды и, такимъ образомъ, создать бы киргизскій эпосъ, вродѣ того, какъ это сдѣлалъ Ленротъ съ финской Калевалой. Современные пѣвцы-акыны, хотя при своихъ странствованіяхъ и пополняютъ репертуаръ былинныхъ пѣсень, перенятыхъ ими отъ старыхъ пѣвцовъ, но соединяютъ отдѣльные эпизоды, картины по собственному усмотрѣнію, придаютъ имъ тотъ или другой колоритъ и чѣмъ пѣвецъ талантливѣе, тѣмъ богаче и интереснѣе приключеніями героев былина, тѣмъ искуснѣе выходитъ группировка этихъ отдѣльных отрывковъ, и тѣмъ полнѣе и разнообразнѣе самое сказаніе. Характеръ пѣсни зависитъ не только отъ личной талантливости пѣвца и его настроенія, но и отъ обстановки: на веселыхъ пирахъ будутъ пѣться не тѣ, конечно, пѣсни, что на собраніяхъ по случаю какого-нибудь печальнаго событія. Такъ, рожденіе батыря, его сборы въ походъ, встрѣча съ противникомъ, различные, такъ сказать, типы сраженій, въ которыхъ батырь одерживаетъ верхъ, то бываетъ раненъ, то попадаетъ въ плѣнъ, наконецъ, смерть батыря—всѣ эти и многіе другіе эпизоды описываются обыкновенно извѣстнымъ рядомъ стереотипныхъ стиховъ; равнымъ образомъ, описаніе казни, картины наступленія ночи или утра и т. п. также поются пѣвцомъ наизусть по извѣстному шаблону.

Черты, характеризующія батырей въ киргизскихъ былинахъ, мало чѣмъ отличаются отъ таковыхъ великорусскаго эпоса и это подтверждается мнѣніемъ нѣкоторыхъ нашихъ изслѣдователей,—напримѣръ, Стасова,—что наши русскія былины, въ нѣкоторыхъ случаяхъ являются чуть-ли не компиляціями татарскаго и киргизскаго эпоса.

Героя былины отличаютъ всеми физическими достоин-

ствами, приэтомъ размѣръ ихъ достигаетъ иногда такой величины, что „переходить всякія границы вѣроятнаго и возможнаго“. Силы батырь достигаетъ весьма рано—съ 3 или 5 лѣтъ—и сразу начинается поражать всѣхъ своими могучими подвигами, удивительною храбростію и ловкостію; такъ, батырь Сапнъ, будучи пятилѣтнимъ ребенкомъ, „совершаетъ первый подвигъ, наказывая рабовъ, оскорбившихъ его отца“.

Дѣятельность батыря весьма разнообразна—бьется онъ съ врагами, дѣлаетъ набѣги, угоняетъ скотъ, погонитъ женъ и дѣвицъ, мститъ за чью-нибудь смерть или просто являетъ собою типъ авантюриста, искателя приключеній. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ „не снѣсивъ, ни кѣмъ не пренебрегаетъ, со встрѣчнымъ знакомится и выпрашиваетъ его, старухъ величаетъ матушками, а потому рѣдко попадаетъ въ просакъ, получая отъ всѣхъ совѣты и предостереженія, а отъ старухъ иногда и знаменитое снадобье „кара-дари“, которое исцѣляетъ отъ всѣхъ болѣзней, а также воскрешаетъ мертвыхъ“ (Меліоранскій).

Киргизскій батырь, какъ и въ русскихъ былинахъ, славенъ своимъ могучимъ, злымъ поведениемъ, гордой поступью, острымъ зрѣніемъ, чуткимъ слухомъ. Бьется онъ открыто, но подчасъ не брезгуетъ и хитростію, прибѣгая къ помощи старухъ-колдуній, или прикидываюсь нищимъ. Онъ также въ одинъ махъ пролетаетъ цѣлая царства, не по гладкимъ торнымъ дорогамъ, а прямо черезъ высокія горы, темныя лѣса, синія моря, огненные рѣки, пустынные степи, побѣждая на пути всѣхъ своихъ враговъ, а также и другихъ богатырей, не пользующихся почему-либо симпатіями пѣвца.

Лучшимъ другомъ батыря въ такихъ походахъ является конь, который подобно самому батырю, обладаетъ преувеличенными способностями бѣга, зрѣнія, силы и т. д. Онъ быстръ, какъ вихрь, чутокъ, какъ волкъ, и зорокъ, какъ соколъ. „Конь переноситъ батыря черезъ обитую пламенемъ степь, переплываетъ моря,

перескакиваетъ черезъ горы, лѣса“ и предупреждаетъ отъ всякихъ опасностей. Такъ батырку Эр-Косаю конь его даетъ совѣтъ „убить въ завоеванномъ имъ городѣ бураго жеребца и желтоволосаго мальчика, у котораго было 90 желудковъ и который общалъ сдѣлаться батыремъ, едва ли не болѣе могучимъ, чѣмъ самъ Эр-Косай“. Конь-же убитаго Эраемъ-Айдари, „самъ отыскалъ и привелъ къ его трупу трехъ сестеръ волшебницъ, которыя и оживили батыря“. (Меліоранскій).

Отыскиваніе красавицъ-невыстъ въ большинствѣ киргизскихъ былинъ составляетъ главную дѣятельность батыря, а родъ препятствій—канву былинны. Здѣсь онъ и его конь пускаютъ въ ходъ все свои могучія способности, побѣждаютъ самыя страшныя препятствія, избѣгаютъ всевозможныхъ опасностей и въ концѣ концовъ достигаютъ цѣли. Обыкновенно каждый батырь въ теченіе своей жизни добываетъ себѣ нѣсколькихъ женъ, а благодаря этому и жизнь его полна походовъ, подвиговъ.

Батырь въ киргизскихъ былинахъ или находитъ себѣ смерть въ походѣ, въ бою, являясь часто жертвой коварства со стороны обманутой имъ жены, невысты, или послѣ славныхъ побѣдъ умираетъ глубокимъ старикомъ, окруженный почетомъ, славой, богатствомъ и многочисленнымъ семействомъ, что извѣстно на языкѣ пѣвцовъ подъ именемъ „барша муратъ босына жеткенъ сохъ“—достигнувъ вершины всѣхъ желаній.

Излюбленными же былинами у современнаго киргиза все-таки являются сказанія изъ болѣе позднѣйшихъ временъ про дѣла историческихъ дѣятелей въ степи—о Чпнгизъ-ханѣ, Батыѣ, Аблай-ханѣ, Урмамбетѣ и др., о подвигахъ которыхъ напоминаютъ киргизамъ памятники въ видѣ могилъ и кургановъ. Но въ былинахъ эти историческія лица до того бываютъ неузнаваемы, какъ, напр., въ былинѣ „Ханъ Батый“, что невольно задумаешься, дѣйствительно-ли это—тотъ могучій „покоритель народовъ“, котораго мы знаемъ по исторіи,

или въ ней воспѣтъ другой какой-либо Батый. Зависитъ это отъ того, что въ киргизскомъ эпосѣ, не представляющимъ изъ себя, какъ мы уже сказали, цѣльнаго цикла пѣсенъ, индивидуальность таланта у пѣвца играетъ первенствующую роль, подчиняетъ себѣ весь строй, весь историческій обликъ бытныя и создаетъ совершенно самостоятельныя сказанія...

На этотъ поворотъ въ былинахъ особенно много повлиялъ знаменитый киргизскій баянъ Насымбай, сподвижникъ знаменитаго „борца свободной степи“ Кенисары Касымова. Насымбай зналъ „до ибескольскихъ тысячъ пѣсенъ“ и не было въ степи памятника, о которомъ талантливый пѣвецъ не сложилъ бы своей пѣсни-былины на канвѣ смутнаго преданія. Его звучный и легкій стихъ, богатая фантазія, гипнотизирующая слушателей, оригинальность и разнообразіе всевозможныхъ подвиговъ, битвъ, вообще жизни Востока очаровывали хановъ, батырей и всѣхъ киргизовъ, которые только „осчастливились слышать акына Насымбая“.

Онъ же создалъ среди киргизовъ особый классъ акыновъ или джерше, воспѣвающихъ подвиги историческихъ героевъ, причемъ попадаются довольно талантливые подражатели, какъ, напримѣръ, Хоросанъ, который услаждаетъ слухъ многихъ зауральскихъ и приаральскихъ кочевниковъ, переходя изъ аула въ аулъ со своей домброй.

Не безынтереса прелюдія каждаго акына.

Настроивъ домбру, акынъ тихо начинаетъ перебирать струны, и то слышатся отдѣльные аккорды, то звуки сливаются въ одну общую ноту. Мало-по-малу обычное апатичное выраженіе лица у акына смѣняется оживленіемъ. Звукъ переходитъ то въ тяжелый, стонъ, то въ бурное веселье, то въ нихъ слышится рыданье о погибшемъ безвозвратно старомъ времени.

Это—обычная увертюра былины. Слушатели плотнымъ кольцомъ охватываютъ акына и замираютъ въ

своихъ позахъ, устремляя въ пространство грустный, задумчивый взоръ.

Аккорды стихли... Въ воздухѣ пронеслась послѣдняя дрожащая нотка, и въ тотъ моментъ, когда ея минорный звукъ замеръ вдаль, раздается звучное, высокаго тембра: „Э-э-Алла-а-а...“ Два три отрывистыхъ аккорда переходятъ въ частую трель, пальцы быстро перебираютъ струны, и домбра стройно начинаетъ аккомпанировать заунывнымъ нотамъ пѣвца.

Акынъ обращается къ Аллаху и его великому пророку, воспѣваетъ ихъ святость, могущество и проситъ у нихъ ниспослать ему „голосъ звучный, быстрый полетъ мысли...“ Домбра снова начинаетъ затихать, дробныя трели смѣняются тихими, рѣдкими аккордами, самъ былинникъ тянетъ двѣ-три ноты, постепенно переходящія въ едва слышный фальцетъ. Глубокій вздохъ заканчиваетъ ихъ...

Но мгновенно всплѣдъ раздается речитативъ подъ громкій аккомпаниментъ. Началась самая былина.

Волной льются стройные аккорды то подъ протяжно заунывный, то подъ отрывисто веселый напѣвъ былинника и внимаютъ имъ ковыльная степная ширь, погруженная въ вечернее безмолвье... Всѣ сыны степи, чье чуткое ухо только улавливаетъ родной напѣвъ, страстно прислушиваются къ дорогимъ звукамъ... Для киргиза пѣніе и слушаніе былинъ составляетъ высшее эстетическое наслажденіе и звуки домбры дороги и милы сердцу его. Онъ въ это время переживаетъ всѣ радости и горе героя былинъ и нерѣдко можно видѣть, какъ по смуглому лицу скатываются слезинки, когда батыря постигаетъ смерть, и нужно видѣть всю радость и восторгъ при побѣдахъ и торжествахъ героя.

Вотъ почему былинникъ-акынъ есть самый дорогой гость въ аулѣ; для него лучшая кибитка, лучший кусокъ баранины, самая большая чашка стараго кумыса, его окружаютъ лаской и привѣтомъ... Аулы, имѣя соб-

ственного пѣвца, хотя и не особенно талантливаго, гордится этимъ. Богатые киргизы, желая въ силу какихъ-либо соображеній снискать довѣріе и особенно расположеніе своихъ одноаульцевъ, нарочно выписываютъ акына, хотя бы за сотни верстъ. Это лучший подкупъ для простодушнаго кочевника и онъ могучѣе и сильнѣе денегъ, барана и кумыса, такъ какъ въ данномъ случаѣ дѣйствуютъ на самое высшее, самое святое для киргиза чувство.

I.

Айтолконъ-Тамъ ¹⁾).

Въ Актюбинскомъ уѣздѣ, на вершинѣ р. Терес-бу-такъ, на высокомъ песчаномъ холмѣ возвышается древнее сооруженіе — могила „Айтолконъ“. Форма могилы киргизская—простой четырехугольникъ, выложенный изъ камня-плитняка. Высота стѣнъ до 2-хъ аршинъ, толщина до $\frac{1}{2}$ арш.; площадь, занимаемая сооруженіемъ — до 4 кв. саж. Какъ видно много снѣжныхъ бурь и песчаныхъ смерчей претерпѣло это сооруженіе со дня своего появленія — отъ глины, толстымъ слоемъ покрывавшей камни, остались только одиночные куски; мѣстами замѣтны отверстія, изъ которыхъ, при малѣйшемъ прикосновеніи, выпадаютъ мелкіе куски камня, а въ трещинахъ, между отдѣльными камнями, проростають жалкіе лишай. Вокругъ могилы холмы наноснаго песку, на которыхъ пробиваются неприхотливые бурьянъ, перекати-поле и молочай. Внутри видна небольшая могильная насыпь, совершенно заросшая травой, а по стѣнамъ остались едва замѣтные слѣды желто-сѣрой краски, да куски глины.

Кругомъ тишина — ни кибитокъ кочевниковъ, ни веселой пѣсни земледѣльца. Только вѣчно сонный сурокъ своимъ свистомъ, да степной лунь надтреснутымъ крикомъ нѣтъ-нѣтъ и нарушатъ мертвенную тишину...

А когда-то здѣсь жизнь была ключемъ, слышалось

¹⁾ *Айтолконъ* — у киргизовъ подь этимъ извѣстно одно изъ созвѣздій и дается въ имя красивымъ дѣвушкамъ. *Тамъ* — могила.

здѣсь и веселое ржаніе сбатованныхъ лошадей, и ужасные звуки кровавой битвы, и заунывные пѣсни про дѣла славныхъ батырей...

Все забыто, погребено въ нѣдрахъ земли, свято хранящей сокровенныя тайны природы, и только ручей, сбѣгающій по камнямъ, монотонно поетъ про это минувшее время. Это журчаніе вдохновляетъ случайно попавшаго сюда киргиза-пѣвца, особенно когда онъ освѣжитъ свои запекшіяся губы студеной водой. Ему чудится, что слышитъ онъ что-то знакомое, восточная фантазія облекаетъ эти звуки въ опредѣленную картину и... пѣсня—преданіе готово. Вотъ настроилъ пѣвецъ свою звучную домбру и, обративши взоры къ могилѣ, тихо поетъ...

Мирно кочевали сыны Джагалбайлина на раскинутыхъ вокругъ этого ручья тучныхъ пастбищахъ и стада ихъ множились. Приволье и довольство виднѣлось во всемъ. Но злой Абу-Ниранъ не могъ выносить счастливыхъ людей и наслалъ на джагалбайлинцевъ злого хана Аблая. Давно этотъ ханъ просилъ и требовалъ себѣ данн отъ сыновъ Джагалбайлина и скотомъ и дѣвушками, но такого позора не хотѣли нести джагалбайлинцы и провозжали посланныхъ хана съ простыми подарками.

Вскипѣлъ гнѣвомъ Аблай, поклялся отмстить непокорнымъ и, взявъ съ собой тысячу лучшихъ джигитовъ, пошелъ наказывать джагалбайлинцевъ.

Какъ шакаль, подкрался онъ къ мирно спящимъ сынамъ Джагалбайлина, разбилъ свое войско на два отряда и одному изъ нихъ велѣлъ отбить стада, а съ другимъ, во главѣ котораго сталъ самъ, бросился на спящій аулъ. Рядомъ съ Аблаемъ, на кровномъ аргамакѣ, неслась и его единственная дочь—красавица Айтолконъ. Она, какъ и отецъ, любила набѣги, батырство, прекрасно владѣла и пикой, и лукомъ, и ятаганомъ.

Проснулся аулъ и завязался отчаянный бой... Джагалбайлинцы, сбитые сразу, не могли оправиться и дать отпоръ врагу, тѣмъ болѣе, что и лошади ихъ были уже

далеко отъ аула, но все же они дорого отплатили за свое добро и жизнь, и долго врагъ будетъ помнить этотъ бой. Красавица Айтолконъ пала въ немъ...

Аблай-ханъ, глубоко пораженный смертью дочери, велѣлъ похоронить вмѣстѣ съ нею и награбленныя сокровища, чтобы послѣднія не напоминали ему о тяжелой уtratѣ.

Заработали заступы и незамѣтно выросъ большой курганъ съ красивой могилой.

II.

Байтакъ-Тамъ.

Далеко протянулась хобдинская степь, широко раскинулись ея глубокія долины, покрытыя сочною пеленою травъ... Красавица р. Хобда серебряной лентой сверкала среди луговъ и звонко катила свои изумрудныя воды въ славный Илекъ, а густыя заросли камыша близко спустились къ водѣ и своимъ немолчнымъ шелестомъ принимали участіе въ стройныхъ аккордахъ всплеска волнъ... Вдали, точно окутанные синеваго дымкой, вырисовывались отроги Мугоджаровъ и вѣнчали собой чудный степной пейзажъ...

Привольно, свободно дышалось въ этихъ мѣстахъ кочевнику-калмыку. Его богатые юрты тонули въ густой зелени, стада паслись по тучнымъ пастбищамъ и жилились безъ ухода и заботъ... Игры, забавы, веселыя пѣсни подъ чибызгу, дивные рассказы про славныя дѣла батырей наполняли жизнь хобдинскаго калмыка. Цѣлыми днями онъ съ гикомъ и свистомъ носится по ровной степи на кровномъ аргамакѣ и только его баранья шапка мелькаетъ изъ-за высокаго ковыля; на всемъ скаку джигитъ ловко срываетъ подъ самый корень пушистую траву и вѣнчаетъ имъ лобъ аргамака, а беззаботная пѣсня, не смолкая, будитъ степь... Вечеромъ весело трещать котлы, запахъ свѣжаго мяса пріятно раздражаетъ аппетитъ, и кочевники живописными группами, расположившись во кругъ огня, съ жадностью слушаютъ игру чибызги или рассказы старика...

Застонала хобдинская степь отъ немолчнаго конскаго топота и говора людскаго, съ жалобнымъ крикомъ кружатся въ воздухѣ потревоженные хищники изъ пернататаго царства, высокая повалилась трава отъ тяжелыхъ копытъ... Дрогнувъ кочевникъ, утихъ веселый шумъ ауловъ и зловѣщая тишина царства въ ихъ кибиткахъ... Да и было отъ чего... Точно туча черная, двигались полчища татарскія изъ глубин степей азіатскихъ, брали и жгли села, аулы, вытапывали хлѣба, пастбища, женъ и дѣтей всѣхъ забирали въ полонъ.

Это могучій Батый поднялся войной на великую Русь, хотѣлъ завладѣть всѣмъ міромъ. Самъ онъ, съ лучшими наѣздниками и съ несмѣтными полчищами, перешелъ рубежъ далеко выше Мугоджарскихъ горъ, чтобы завоевать всѣ среднія страны Европы, а брата своего *Байтака*, батыря молодого, направить на калмыцкія степи и велѣлъ ему пройти отъ моря Аральскаго до Узеня.

Жестокъ былъ Байтакъ... Отъ его злодѣйствъ стояла вся калмыцкая степь и кровь непокорныхъ ручьями лилась, обогрѣвая высокій ковыль...

Крѣпко задумались хобдинскіе калмыки... Знали они, что не будетъ и имъ пощады, такъ какъ промѣнять вѣковую свободу на татарскія цѣли они не рѣшались, а биться горетн противъ цѣлаго полчища, значитъ идти на вѣрную смерть.

Близко уже былъ врагъ.

Запылала уральская степь и появились передовыя шайки татаръ въ хобдинской... Калмыки-хобдинцы зарыли въ землю всѣ свои сокровища, отослали женъ, дѣтей и скотъ въ глубь степи къ родичамъ - калмыкамъ, кочевавшимъ по Узеню, и приготовились встрѣтить врага.

Въ крѣпкихъ кольчугахъ, съ колчанами, полными стрѣлъ и тонкими дротиками, засѣли хобдинцы въ непроходимыхъ джунгляхъ... Недолго имъ пришлось ждать — Байтакъ разбилъ свой лагерь на Хобдѣ и по-

стать гонцовъ кличь кликать, чтобы шли къ нему калмыки со всей степи хобдинской съ повинной головой и съ готовностью принять подданство Батыя.. Но напрасно... Пусто въ степи и только одиночныя животныя, да брошенный скарбъ указывали, что покинута она недавно. Въ первую же ночь запылали хобдинскія степи. Быстро огонь слизываетъ подсохшую траву, обжигаетъ тальники, а какъ забрался въ камыши — только трескъ пошелъ... Съ ревомъ и воемъ несутся звѣри отъ ужасной стихіи, съ жалобнымъ крикомъ мечутся въ воздухѣ птицы, а Байтакъ съ своими татарами ликуетъ и не радуется своей власти, своему могуществу.

Вдругъ, въ крайнихъ отрядахъ послышался шумъ. Не стерпѣли хобдинцы обиды, не могли видѣть, какъ ихъ родная степь гибнетъ отъ руки Байтака и ударили на врага. Всполошился лагерь, зазвенѣли сзывные рожки, поднялся крикъ людей, ржаніе аргамаковъ... Завязался бой, да такой ужасный, что и самъ Байтакъ диву дался. Велѣлъ онъ сѣдлать своего араба, надѣтъ серебряныя доспѣхи, вооружился стрѣлами и пикой и полетѣлъ въ самую среднюю бой.

Храбро и съ ожесточеніемъ дрались хобдинцы, точно угри извивались они среди охватившихъ ихъ сплошнымъ кольцомъ татаръ, прорывали цѣпь и снова ударили въ тылъ. Убивали эти удалыцы, но и татарскіе батыри валялись, какъ молодая трава подъ косой. Разсвирѣлѣлъ Байтакъ... Зычнымъ голосомъ сзывалъ онъ орду, отчаянно бросался въ схватку съ хобдинцами и сильная рука разила послѣднихъ десятками... Вдругъ Байтакъ почувствовалъ, что подъ нимъ арабъ зашатался и не успѣлъ пнуть поводья, какъ конь грохнулся о землю, ударъ калмыка поразилъ его копьемъ въ правый глазъ.

Мгновенье и... тысячи всадниковъ пронеслись по раненому батырю, страшно изуродовавъ его трупъ.

* * *

Заблестала румяная заря, освѣтила своимъ пур-

пурнымъ свѣтомъ Хобдинскую степь, но тотчасъ, точно ужаснувшись открывшейся картины, подернулась черною тучей... Не высокій ковыль покрывалъ красавицустепь своимъ пушистымъ покровомъ, а изуродованные трупы татаръ и калмыковъ; не веселыя пѣсни жаворонка оглашали ее, а дикій раздирающій плачъ татаръ... Паль Байтакъ, надежда Орды, а съ нимъ вмѣстѣ исчезли и мечты покорить Калмыцкую степь...

III.

Кизылъ-Тамъ.

Звонко катитъ свои чистыя воды Косъ-Иstekъ, причудливо извиваясь въ стройной чащѣ ольховаго лѣса и немолчный говоръ этой рѣки веселымъ шумомъ наполняетъ широкую долину. Но вотъ въ проходѣ Басъ-Иstekъ ея русло стѣснили отроги, ровное дно усыяно камнями и волны съ силой начинаютъ ударять въ подножье скалы, образуя миллиарды брызгъ... Съ глухимъ рокотомъ катятъ онѣ по дну камни и бросаютъ ихъ на берегъ, при крутыхъ изгибахъ рѣки, то разбиваются на мелкую рябь по широкимъ отмелямъ и плесамъ... Съ шумомъ вырываются волны, пѣнясь и дробясь, изъ узкаго прохода и, готовые снова вступить въ отчаянную борьбу съ преградами русла, мгновенно попадаютъ въ объятія красавицы Джаксы-Каргалы, широко разлившейся по долинѣ безъ шума, рева, безъ брызгъ и пѣны... По берегамъ ея, вмѣсто камней, высятся стройныя пвы, точно бордюромъ обведенныя у корней густымъ зеленымъ тростникомъ, а тамъ дальше, въ глубинѣ долины, пестрѣютъ кибитки и воздухъ наполненъ веселыми звуками кочевой жизни, въ которыхъ слышны и гортанные крики верблюдовъ, и зычное ржаніе табуновъ, и грустные напѣвы номада...

Противъ слиянія этихъ двухъ красавицъ-рѣкъ молчаливо высится холмъ Иstekъ-Тау, покрытый по склону небольшими кустарниками и усыянный камнями, обросшими мхомъ... Вершину холма вѣнчаетъ большая могила.

Свѣтаеть... Долина Косъ-Иstekъ начинаетъ просыпаться. Жаворонки звонко заливаются въ выси, еще окутанной утреннимъ туманомъ, сойки немолчно „тукали“, перепархивая съ куста на кустъ, степной лунь, лѣтливо взмахивая сѣдыми крыльями, низко пролеталъ надъ склономъ хойма. Граціозно потягиваясь, вышла изъ лѣса семья сайгаковъ и, чутко прислушиваясь къ звукамъ пробуждающейся природы, осторожно спускалась къ рѣкѣ... Вотъ вершина Иstekъ-Тау сбросила съ себя сѣрый туманный покровъ и зазолотилась отъ лучей восходящаго солнца. Яркая полоса свѣта, разростаясь все больше и больше, спускалась въ долину. Снопъ лучей брызнулъ въ ея глубину и мягкимъ веселымъ свѣтомъ разлился кругомъ. Оживился зеленый коверъ, закипѣла въ немъ дремавшая до этого жизнь. Бабочки красиво переливали на лету своими нарядными крыльями, кузнечики на перебой затрещали въ густой травѣ...

По берегу Каргалы пестрѣли разноцвѣтные шатры и въ аулѣ съ первымъ разсвѣтомъ ключемъ забила жизнь—въ этотъ день гордый и славный Бадмай, вождь калмыковъ, принимаетъ пословъ знаменитаго хана Хивинскаго Арапъ-Магомета. Дорогіе гости почиваютъ въ „кунацкой“, утомленные долгимъ и труднымъ переѣздомъ, а Бадмай давно уже сидѣлъ на коврѣ и, нервно теребя свою рѣдкую бороду, старался разгадать, зачѣмъ къ нему Арапъ-Магометъ посылаетъ пословъ съ цѣнными подарками. Давно-ли они были врагами, давно-ли онъ Бадмай съ отрядомъ своихъ удалцевъ напалъ на владѣнія хана и отбилъ много скота... Жаркая была схватка и самъ ханъ былъ уже въ плѣну, да дочь Бадмая сжалилась и отпустила на волю сѣдого вождя. Но вотъ доложили ему, что послы просятъ принять отъ нихъ подарки и привѣтъ хана другу своему Бадмаю.

Десять бѣлыхъ верблюдовъ, навьюченныхъ дорогими коврами, халатами, вышли изъ небольшой рощи, въ которой поставлена была „кунацкая“ кибитка, и, мѣрно

покачиваясь, шли за послами. Послѣдніе въ богатыхъ халатахъ, опущенныхъ лисой, туго перехваченныхъ дорогими поясами, въ бѣлыхъ чалмахъ, важно выступали впередъ на кровныхъ аргамакахъ, убранныхъ въ расшитую сбрую.

Кончилась церемонія встрѣчи и обмѣнъ льстивыми привѣтствіями, приняты подарки и началось празднество. Наѣзники вихремъ понеслись по долині, отчаянно джигитуя на всемъ скаку, хоръ дѣвушекъ, во главѣ съ красавицей Уйля—дочерью Бадмая, кружился на зеленой лужайкѣ, полунагіе борцы показывали свою ловкость, а мальчуганы состязались въ бѣгѣ... Большія серебрянныя чашки съ нѣжнымъ мясомъ молодого жеребенка и другими яствами стояли предъ гостями, молча созерцавшими игры и поощрявшими побѣдителей подарками.

Солнце давно уже склонилось къ западу и отъ лѣса легли по долині длинныя тѣни.

Въ цвѣтномъ шатрѣ калмыцкаго агиды тихо бесѣдовали послы и Бадмай сталъ грознѣе тучи, темнѣе ночи осенней...

— Да благословитъ васъ вашъ Богъ—произнесъ послѣ нѣкотораго молчанія Бадмай.—Передайте славному хану Арапъ-Магомету, что дочь свою, вопреки завѣтамъ отцовъ и дѣдовъ, я неволить не стану. Предложеніе вашего хана мнѣ лестно. Если моей Уйля любовь онъ и согласится она быть женой человѣка не нашего рода и крови, не нашей вѣры и обычаевъ, то пусть ханъ присылаетъ калымъ...

Съ этими словами онъ вышелъ изъ кибитки и не замѣтивъ, какъ чья-то тѣнь быстро скользнула по травѣ...

Стемнѣло. Къ долині Косъ-Иstekъ осторожно пробирался всадникъ-калмыкъ. Онъ боязливо озирался кругомъ, нѣсколько разъ останавливалъ лошадь, чутко прислушиваясь къ отдаленнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не-

опредѣленнымъ звукамъ засыпающей природы, полной вечерней пестомы и нѣжной прохлады...

Переѣхавъ въ бродъ Каргалу, всадникъ слѣзъ съ лошади, закинулъ на руку поводья и тихо свиснуть—умный аргамакъ беззвучно скрылся въ темнотѣ, а владетельнѣ его осторожно пробирался къ подножью Истекъ-Тау. Вдали тускло сверкали огни потухающихъ костровъ и аулъ погруженъ былъ въ глубокой сонъ... Тихо... Раздался по долинѣ жалобный крикъ совы и, переливаясь, замеръ вдали... Все смолкло. Только Каргала тихо-тихо катила свои волны и колыхала ими высокій камышъ...

Вдругъ около неподвижно-лежащаго въ высокой травѣ калмыка послышался шорохъ, кто-то сдавленнымъ шопотомъ произнесъ его имя „Зайса“ и у подножія холма неясно обрисовался силуэтъ женщины... Зайса быстро подскочилъ къ ней и, страстно обнявъ, сталъ подниматься на вершину Истекъ-Тау.

— Уйля, моя звѣзда, моя жизнь... Ты любишь, ты пришла... безсвязно шептали его губы и онъ безумно покрывалъ поцѣлуями лицо, шею, полуобнаженную грудь красавицы, которая, крѣпко обвивъ руками шею возлюбленнаго, полузакрыла глаза и дала волю сладострастью, широкой струей разлившемуся по ея молодому тѣлу, заставляя сладостно трепетать...

— Милый Зайса... Ты не знаешь, какъ мучилась твоя Уйля, долго не видя милаго. Сколько черныхъ думъ пережила твоя звѣзда. Теперь я снова счастлива, снова вижу твои черныя очи, снова слышу твои чудныя слова—шептала дѣвушка, перебирая черныя волосы Зайса, который любовно глядѣлъ въ ея сверкающія огнемъ страсти глаза.

Вдругъ онъ повернулся назадъ и, наклонившись внизъ къ рѣкѣ, напряженно прислушался. Уйля испуганно прижалась къ возлюбленному и точно замерла.

— Мнѣ послышался шорохъ—проговорилъ тихо Зайса—но это вѣрно камень скатился по склону.

— Зайса, возьми меня, возьми скорѣе... Я боюсь, сердце мое чувствуетъ большую бѣду...—горячо заговорила дѣвушка.—Жестокіи ханъ Арапъ-Магометъ прислать своихъ пословъ сватать меня и отецъ желаетъ видѣть свою дочь его женой... О, коварные и лъстивые люди... Возьми, возьми...

Дѣвушка съ мукой заломила руки и порывисто дышала.

— Зайса низко опустилъ свою голову и крѣпко задумался. Потомъ, энергично взмахнувъ руками, страстно обнять дѣвушку.

— Успокойся, моя звѣзда, моя жизнь!—произнесъ онъ. Лишь только коварный Арапъ пошлетъ своихъ собакъ-сватовъ, я увезу тебя на Узень и тогда ни твой отецъ, ненавидящій мой славный родъ—родъ его враговъ, ни самъ ханъ не страшны намъ... Не успѣетъ новая луна обмыться, какъ...

— Лжешь, коварный рабъ, узенская собака! Прежде чѣмъ она будетъ твоей, я убью тебя...

На холмѣ неожиданно выросла грозная фигура Бадмая, который съ проклятіемъ бросился на Зайса. Завязалась отчаянная борьба—оба страшно ненавидѣли другъ друга, какъ кровные враги... Уйля, очнувшись отъ ошеломляющаго момента, бросилась между боровшимися, но было поздно... Зайса зашатался—острый ножъ глубоко проникъ въ его грудь и желѣзная сила сразу покинула молодого батыря. Какъ снопъ онъ повалился на край обрыва, а Бадмай съ шипящимъ злобнымъ смѣхомъ столкнулъ ногою раненаго и тѣло молодого калмыка глухо покатилося по обрыву, глухо ударилося о берегъ рѣки и исчезло подъ водой...

— Будь же ты проклятъ, злой человѣкъ, да поразиь тебя и весь твой коварный родъ грома неба! Ты хочешь продать свою дочь гнусному Арапу, такъ ить-же...

Красавица Уйля взмахнула руками, гибкая ея фигура

отдѣлилась отъ обрыва и... новый всплескъ рѣки нарушилъ тишину.

По степи пронесся отчаянный вопль Бадмая...

* * *

Два дни стоялъ Бадмай съ непокрытой головой, устремивъ свой безумный взоръ на плескъ рѣки, гдѣ скрылась его любимица Уйля. Но вотъ на вершинѣ выросла могила, украшена она дорогими коврами, а освящена кровью ханскихъ пословъ, которыхъ Бадмай приказалъ умертвить.

Не снесъ такого оскорбленія Арапъ - Магометъ и пошелъ войной на Бадмая, но тотъ самъ предупредилъ— его батыри грабили уже Аму-Дарьинскую степь и жгли богатые аулы. Въ одной изъ схватокъ погибъ самъ Бадмай.

По прежнему Косъ-Иstekъ пѣнится и бурлитъ въ проходѣ Басъ-Иstekъ, по прежнему его говорливый всплескъ ласкаетъ подножье холма Иstekъ-Тау, и чуткое ухо акына слышитъ въ немъ бывшее про степь и про красавицу Уйлю, погибшую отъ жестокости отца Бадмая.

Въ горахъ Ала-тау.

(Изъ исторіи бунта Кенисары-Касимова, 1843—1847 г.).

Свечерѣло. Блѣдныя дрожащія тѣни расплзались по ущелью Кизилъ-агачъ, исчезая въ глубинѣ, гдѣ звонко гремѣлъ ручей по гранитнымъ порогамъ. Глубокое синее небо причудливо убрано перистыми облачками, среди которыхъ плавно плыла луна, бросая снопы изумруднаго свѣта на холодную степь, по склону ущелья... Кругомъ тишина. Только изрѣдка послышится рѣзкій крикъ луны и громадная черная тѣнь прорѣжетъ дрожащій отъ луннаго свѣта воздухъ...

У вершины ущелья образовались силуэты двухъ всадниковъ, которые медленно стали спускаться по отлогому склону. Лунный свѣтъ заигралъ на ихъ ятаганахъ, остріяхъ пикъ, наборныхъ чапракахъ, уздечкахъ... Кровные арагамаки, вытянувъ шеи и выпуская изъ рта тигучія нити пѣны, осторожно ступали по гранитнымъ выступамъ. Ущелье заканчивалось широкой долиной, среди которой вилась серебристая лента рѣчки Кудукъ. Одинъ изъ всадниковъ натянулъ поводья и произнесъ уставшимъ голосомъ:

— Отдохнемъ здѣсь, Али! До ставки Кенисары еще пять часовъ пути.

— Нѣтъ, Нурджанъ, скорѣе закончимъ нашъ путь... Я горю радостью встрѣчи съ великимъ „борцомъ вольной степи“ и его красавицей Айтолконъ... Арагамаки наши бодро пройдутъ этотъ недолгій путь и мы найдемъ тамъ лучший и болѣе пріятный отдыхъ.

Горячо воскликнуть Али, совѣтъ еще юный киргизъ.

— Ты, Али, еще молодъ и не знаешь, какъ опасно совершать теперь путь въ Ала-Тау... Надо беречь силы аргамаковъ, чтобы уйти отъ метительнаго рода Кара-кипчаковъ, степь котораго недавно Кенисара сжегъ до тла, перерѣзаль скотъ, увелъ въ плѣнъ женъ и дѣтей...

Сказавъ это прежнимъ уставшимъ голосомъ, спутникъ Али слѣзъ съ сѣдла, расправилъ отекавшія ноги и началъ разсѣдывать лошадь.

Али молча послѣдовалъ за нимъ. Черезъ полчаса стреноженные аргамаки жадно срывали сочную траву, весело фыркая, а путники разостлали свои дорогіе халаты и сѣли на нихъ.

— Скажи, Нурджанъ,—прервалъ молчаніе Али,—какъ Аллахъ помогъ славному хану Кенисарѣ взять это скверное племя каменныхъ киргизъ *). Ты, вѣдь, знаешь, что я въ это время ходилъ съ отцомъ на барантуй къ измѣнникамъ изъ рода Джагалбайлинскаго, предавшимся невѣрному урусу.

Нурджанъ провелъ рукой по лицу, какъ бы отгоняя мысли, которыя вихремъ пронеслись въ его головѣ и нить которыхъ прервалъ Али.

— Аллахъ-акбаръ! Ты просишь рассказать про походъ батыря Кенисары противъ каменныхъ киргизъ... Да, то былъ страшный походъ, то была жестокая казнь... Ты знаешь, батырь Кенисара возсталъ противъ невѣрнаго уруса, задумалъ сбросить поганыхъ цѣпи и освободить нашу бѣдную степь отъ страшнаго позора и рабства. Именемъ Пророка онъ призывалъ къ этой священной войнѣ всѣхъ правовѣрныхъ, но немногіе роды остались вѣрными Корану, завѣтамъ первыхъ просвѣтителей, озарившихъ нашу степь истиннымъ свѣтомъ, и завѣ-

*) Воинственное племя дикокаменныхъ киргизъ обитаетъ въ горахъ Ала-Тау и по берегу Аральскаго моря.

тамъ нашихъ отцовъ. Немногіе откликнулись на призывъ Кенисары и примкнули къ нему. Тогда грозный мечъ султана обратился и на всѣхъ измѣнниковъ, не только покорно сносившихъ позорныя цѣпи уруса, но и усердно помогавшихъ ему. Первыми поплатились яносскій и кипчакскій роды, которыхъ Кенисара разбилъ при урочищѣ Кара-Уба, а потомъ китайскіе киргизы, кочевавшіе близъ озера Коккый-Куль. Только племя ди-кокаменныхъ киргизъ не хотѣло признавать власти султана Кенисары и дѣлало частые набѣги на его подданныхъ.

Алла... Султанъ рѣшилъ наказать за это непокорное племя и, оставивъ на время войну съ урусами, пошелъ со всѣмъ войскомъ на него. Трудно было покорить это храброе племя, много времени было потрачено, много людей загублено въ этой борьбѣ. Высокія скалы, глубокія ущелья, стремнины помогали обитавшему въ нихъ роду и затрудняли движеніе войскъ султана. Тогда Кенисара далъ клятву Всемогущему Аллаху и Его Пророку, что съ корнемъ вырветъ это проклятое, невѣрное племя и отчаяннымъ приступомъ стаетъ братъ аулы. Аллахъ-акбаръ... Какимъ казнямъ, какимъ мученьямъ султанъ предавалъ жителей покоренныхъ ауловъ...

Сколько крови и слезъ было пролито въ этотъ походъ, сколько стоновъ, проклятій слышалось въ воздухѣ, сколько безпомощныхъ рукъ подымалось къ небу!.. Напомнилъ онъ мнѣ...

Нурджанъ вдругъ замолчалъ. Холодный потъ струился по его лицу, искаженному злобой и страданіемъ. Онъ безпокойно взглянулъ на Али, думая найти на его лицѣ изумленіе, а пожалуй и ужасъ, но тотъ дремалъ, блаженно улыбаясь, и, какъ видно, давно не слушалъ разсказа.

Нурджанъ нервно провелъ рукой по мокрому лбу, надѣлъ „малахай“ и беззвучно произнесъ:

— Вставай, Али, время ѣхать! Скоро будетъ полночь...

Али быстро поднялся и съ прежней сладкой улыбкой, несходившей съ его крупныхъ губъ, сталъ готовиться въ путь.

II.

Въ одинъ изъ первыхъ дней послѣ новолунья мѣсяца Дзулкаде, Кенисара принималъ у себя хивинскихъ пословъ, извѣстившихъ султана, что „славное хивинское государство заключаетъ съ славнымъ батыремъ Кенисарой союзъ противъ невѣрныхъ гяуровъ,“ и при этомъ были поднесены богатые подарки: пятнадцать лучшихъ аргамаковъ, два золотомъ шитыхъ сѣдла, двѣ пушки и нѣсколько верблюдовъ, изъ которыхъ два были навьючены порохомъ.

Кенисара былъ обрадованъ и польщенъ такимъ вниманіемъ прежде гордаго и надменнаго съ нимъ хивинскаго хана и нѣсколько дней подъ ридъ съ небывалою роскошью чествовалъ дорогихъ пословъ.

Долина Ханъ-Жолъ, въ которой Кенисара расположился лагеремъ, пестрѣла отъ шатровъ, людей и скота. Съ утра до глубокой ночи раздавались немолчно говоръ, крики, пѣсни, звуки чибызги, домбры, ржаніе коней, ревъ верблюдовъ и блеяніе овецъ... На всемъ пространствѣ пылали костры, дымились „казаны“, разнося по всей долины сладковатый запахъ мяса...

Въ глубинѣ долины чернѣла небольшая роща, состоящая изъ карагача и ясеней. Высокіе стволы деревьевъ были совершенно голы, а верхушки шатрами раскидывались въ выси и образовали зеленый сводъ, сквозь который голубое, безоблачное небо выглядывало только небольшими клочками. Въ срединѣ рощи задорно журчалъ небольшой ручей, неся свои чистыя, изумрудныя воды въ бурный Джиланчикъ. Между деревьями, по берегамъ ручья, красовались богато убран-

ныя кибитки султана и его свиты. Особенно-же рѣзко выдѣлялась убранствомъ „кунацкая кибитка“. Дорогіе текинскіе „палазы“ устлали ея полъ, вышитыя шелкомъ; тесьмы прихотливо перевивали своды, горы дорогихъ одѣялъ, мягкихъ подушекъ возвышались по стѣнамъ, а по срединѣ, на рѣзной подставкѣ, красовался огромный турсукъ съ кумысомъ...

Раздался рѣзкій пронзительный крикъ. Все стихло. Аксакалы (старики) поднялись и стали на коврикъ, сложивъ на животѣ руки и почтительно склонивъ сѣдые головы, покрытыя бѣлыми чалмами. Наѣздники выстроились въ рядъ и устремили свои взоры на шатеръ агида. Заиграли зурна (рожокъ), ударили даира (бубны), зазвенѣли чунгурь... Толпа дѣвушекъ съ длинными косами, въ шелковыхъ цвѣтныхъ шальварахъ густыми складками спускавшихся на маленькіе высокіе сапожки, предводительствуемая красавицей Айтолконъ, окружила стоявшаго у кибитки агида.

Понеслась по долинѣ бойкая пѣсня, быстро замелькали по травѣ маленькія ножки восточныхъ красавицъ... Сколько чудной граціи, свободы въ ихъ движеніяхъ, сколько страстности въ черныхъ глазахъ... Вотъ ворвались въ кругъ, мнимые смуглыми ручками, страстными взглядами, молодые батыри. Обхватили ихъ сильныя руки трепещущіе дѣвичьи станы и пары быстро закружились въ бышеномъ танцѣ...

Кенисара, высокій мужчина, съ короткой черной бородой, въ бѣломъ халатѣ, перетянутаго серебрянымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ дорогой ятаганъ, въ высокой бѣлой шапкѣ, въ козовыхъ красныхъ чувякахъ, убранныхъ мелкими серебрянными монетами, гордой поступью направлялся къ ручью. Сдвинутыя брови, сжатые губы, злые глаза говорили о его крутомъ нравѣ, объ отсутствіи добраго сердца. Только одна Айтолконъ умѣла смягчать этого грознаго царька...

Процессія приближалась къ аксакаламъ и пляска,

прекратилась. Агидъ, свершивъ съ аксакалами краткій намазъ, сѣлъ на богатомъ коврѣ, приглашая къ тому же гостей небрежнымъ движеніемъ руки.

— Аллахъ-акберъ! Пусть наши храбрые джигиты покажутъ гостямъ свою удалъ. Бисмилла!—звучно произнесъ агидъ.

Толпа наѣзтниковъ приблизилась къ нему.

— Аллахъ-акберъ! Славные джигиты рода Касимова! Покажите нашимъ гостямъ, что вы не сидѣли все время около матерей, не ухаживали за красавицами, что вы сыны набѣговъ, походовъ, батыри, достойные свободы. Наградой вамъ будутъ подарки пзъ рукъ нашихъ красавицъ, похвала аксакаловъ и любовь вашего агиды. Бисмилла!

Сказавъ это, онъ сдѣлалъ рукой знакъ дочери и та быстро стала между отцомъ и наѣзниками. Въ рукѣ она держала большой шелковый платокъ. Всѣ взоры устремились на Айтолконъ. О, какъ она была дивно хороша! Невольно думалось всѣмъ, что она съ своимъ глубокимъ, стройнымъ станомъ, съ длинными рѣсницами, закрывавшими черные, полные страсти и нѣги глаза, съ своими маленькими, точно выточенными, смуглыми ручками создана только для созерцанія, любованія, а не для того, чтобы стать женой-рабой и скрыть свою чудную молодую красоту подъ густой чадрой. Любовались ею не только юные наѣзники, изъ коихъ никто не дерзалъ даже мечтать владѣть этой „звѣздой Ханъ-Жола“, не только старики, сладко чмокая дряблыми губами, но и подружки забыли про своихъ возлюбленныхъ, не обращали вниманія на ихъ измѣну въ данный мигъ... Вотъ Айтолконъ среди общаго молчанія очарованной толпы быстро приблизилась къ одному джигиту и повязала платкомъ шею его аргамака... Всѣ очнулись... Какъ вихрь вырвался изъ строя счастливый наѣзникъ и понесся по долину. Остальные ринулись за нимъ, отчаянно джигитуя на всемъ скаку—то соскакивали съ

сѣдѣлъ, то разсѣдывали и снова осѣдывали лошадей, сидя на крупѣ, то ловко сбивали шаръ со столба...

Въ долину показались Сулейманъ и Али.

— Славный батырь Кенисара, Аблаева рода! Да хранить тебя Всемогущій Аллахъ! Два казака *) ѣдутъ къ тебѣ съ привѣтомъ отъ младшаго брата-друга Гуссейна,—проговорилъ прикладывая руку къ сердцу, молодой киргизъ, вооруженный съ ногъ до головы.

— Пусть накормятъ и напоятъ ихъ аргамаконъ, а ты проводи дорогихъ гостей въ кунацкій шатеръ и яства приготовь,—сурово произнесъ Кенисаръ.

Вечеромъ Нурджанъ тихо бесѣдовалъ въ цвѣтномъ шатрѣ съ Кенисарой, который сталъ грознѣе тучи, темнѣе осенней ночи.

— Да благословитъ тебя Аллахъ, славный Нурджанъ! Передай брату и другу моему Гуссейну, правителю Хобды, что его предложеніе мнѣ лестно и я дамъ Али тысячу джигитовъ для набѣга на Орь, и если онъ молодецки выполнить это, то пусть готовитъ калымъ—Айтолконъ будетъ его женой.

Кенисара помолчалъ, а потомъ, устремивъ свой ястребиный взоръ на Нурджана, рѣзко спросилъ:

— Что же назаровцы, къ которымъ принадлежишь и ты, намѣрены признать меня султаномъ или думаютъ покорно нести позорныя цѣпи гяуровъ?

Нурджанъ вздрогнулъ, но чрезъ мгновеніе онъ снова былъ спокоенъ и, покорно склонивъ голову, тихо промолвилъ:

— Великій и славный батырь Кенисара, достойный внукъ Аблая! Да хранить тебя Аллахъ! Назаровцы ждутъ тебя давно и при первомъ призывѣ ринутся на русскіе города и села...

— Передай, что я пощады измѣнникамъ не даю... Сотру весь родъ, какъ стеръ поганый родъ тлявцевъ. Ступай...

*) Киргизы называютъ себя „казаками“.

Нурджанъ злобно сверкнулъ глазами по фигурѣ суроваго властелина, но когда ихъ взоры встрѣтились, гость подобострастно принялъ покорную позу и тихо, точно кошка, вышелъ изъ кибитки.

Аулъ спалъ.

Нурджанъ прислушался, вперивъ свой взоръ куда-то вдаль...

Ни звука... Только сопѣніе верблюдовъ нарушало тишину.

Нурджанъ быстро сорвалъ чалму, сбросилъ дорогой халатъ и осторожно поползъ къ кибиткѣ Айтолконъ. Вотъ онъ у цѣли. Въ кибиткѣ темно. Приподнявъ слегка кошму, закрывающую входъ, Нурджанъ издалъ гортанный звукъ, похожій на ворчаніе барса. Послышался шорохъ. Нурджанъ быстро отскочилъ отъ кибитки и мгновенно скрылся въ джунгляхъ (камышевыя заросли). Осторожно поднялась дверь кибитки и въ нее проскользнула женская фигура.

Луна обливала степь волшебнымъ матово-синимъ блескомъ и очертанія кибитокъ, заросли, и цѣль вырисовывающихся вдали горъ принимали фантастическія фигуры.

Въ джунгляхъ повторилось рычаніе барса.

Скользнула блѣдная тѣнь и снова тишина.

Предъ Нурджаномъ стояла, стыдливо опутивъ глаза, красавица Айтолконъ.

— Здравствуй, Айтолка... Беримжанъ шлетъ тебѣ свой привѣтъ и приказалъ собираться въ путь. Отецъ твой ненавидитъ его родъ и скорѣе согласится видѣть тебя мертвой, чѣмъ женой Беримжана. Здѣсь недалеко ждетъ тебя нашъ союзникъ и ему ввѣрься, а я останусь пока здѣсь.

Айтолконъ вся дрожала.

— Готова-ли ты бѣжать къ Беримжану или предпочтешь стать женой собаки Алійки, подлаго сына Гуссеина?

— Нѣтъ, Нурджанъ... возьмите меня отсюда скорѣе... Я знаю, что отецъ убьетъ меня, а не отдастъ Беримжану...

— Ну, пойдёмъ...

Нурджанъ взялъ Айтолконъ за конецъ чадры и углубился съ нею въ заросли.

III.

На утро весь аулъ въ страшной тревогѣ—исчезла Айтолконъ. Кенисара зловѣще молчалъ. Во всѣ концы полетѣли джигиты.

Кто могъ ее похитить?—вопросъ, который мучилъ Кенисару, надъ разрѣшеніемъ котораго напрасно ломали головы приближенные.

Прошло два дня.

Джигиты возвращались на измученныхъ аргамакахъ съ неутѣшительными вѣстями.

Айтолконъ точно въ воду канула.

Никто не рѣшался войти въ кибитку Кенисары.

Только одинъ Нурджанъ осмѣлился заговорить съ грознымъ ханомъ.

— Славный агидъ! Рабъ твой Нурджанъ осмѣливается нарушить священное молчаніе.

— Ну говори...

— Звѣзда степи, красавица Айтолконъ не погибла... Нѣтъ, я въ этомъ увѣренъ. Она похищена и мнѣ сдается—твоими измѣнниками кара-кипчаками. Вѣдь, двухъ не досчитываются... Они мстятъ тебѣ за свои аулы, женъ и дѣтей.

— Молчи, собака...

Глаза Кенисары злобно засверкали, но и фигура Нурджана дышала ненавистью. Такъ продолжалось одно мгновеніе, послѣ котораго Кенисара снова впалъ въ глубокое раздумье, а Нурджанъ безстрастно смотрѣлъ на узорчатые тесмы кибитки.

— А что если ты правъ, Нурджанъ? О, тогда я съ корнемъ вырву поганный родъ кара-кипчаковъ...

Съ минуту Кенисара помолчалъ, потомъ три раза ударилъ въ ладони рукъ. Явился джигитъ.

— Позвать ко мнѣ аксакаловъ и агидовъ. Останься и ты, Нурджанъ.

На совѣтѣ рѣшено было послать два отряда джигитовъ, въ томъ числѣ и Али, въ ущелья Кара-Су и Томакъ-агачъ, чтобы окончательно истребить каракипчаковъ.

Когда кибитки опустѣли, Кенисара быстро поднялся и, злобно потрясалъ въ пространство ятаганомъ, глухо проговорилъ:

— О собаки! Горе вамъ... Упьюсь я кровью вашей поганой, надругаюсь надъ красавицами и женами, съ сладостью буду убивать дѣтей вашихъ...

IV.

Разграбивъ и спаливъ степь въблизи Кара-Су, отряды Мамета и Али расположились лагеремъ въ долинѣ Джаманъ-Тау, у подножья горы Шайтанъ-Тау. Отсюда они рѣшили идти на Кара-Су, гдѣ собрались все аулы кара-кипчаковъ и гдѣ они надѣялись захватить главныхъ вождей непокорныхъ родовъ. Здѣсь будетъ послѣдняя битва, послѣдняя расправа съ кипчаками, конецъ ужасной драмы, длившейся уже пятый мѣсяць...

Ночь. Въ лагерѣ тихо. Сырой рѣзкій вѣтеръ немолчно тянулъ свою жуткую пѣсню, нещадно трепали мокрые пологи рваныхъ палатокъ. Изрѣдка падала на землю мелкая снѣжная крупа, глухо барабанила по набухшему холсту.

Джигиты, утомленные долгимъ переходомъ, до костей промокшіе отъ моросившаго цѣлый день дождя, спали богатырскимъ сномъ, плотно завернувшись въ паласы и халаты. Только въ одной кибиткѣ слабо мерцалъ потухающій очагъ.

То была кибитка Али.

Онъ, поджавъ подъ себя ноги, сидѣлъ на мокромъ пала-

сѣ, склонивъ голову нагрудь. Сонъ бѣжалъ отъ него... Безысходная тоска грызла сердце. Къ прежней думѣ, къ прежнему страстному желанію обладать красавицей Айтолконъ, еще сильнѣе охватившему все существо молодого киргиза, присоединилась жажда мести за нанесенную обиду. Надежда, отчаяніе, ревность, сладость поцѣлуя— все это живо рисовалось и быстро проходило въ воспаленномъ мозгу Али, то заставляя его замирать отъ блаженства, то больно сжимая сердце... Но вотъ сильный порывъ вѣтра, глухой стукъ снѣжной крупы, пронизывающій холодъ возвращали его къ тяжелой дѣйствительности и напоминали ему разбитыя надежды, страшную обиду, малую вѣроятность отыскать Айтолконъ. Все его существо наполнялось жаждой крови, стонувъ обидчика. Какія муки, истязанія готовилъ онъ своему сопернику?!

Али поднялъ свое блѣдное, измученное лицо, судорожно сжалъ руки и простоналъ отъ внутренней боли.

Но гдѣ? Гдѣ она? Гдѣ проклятый соперникъ?—бездвучно шептали его высохшія губы.—Онъ обнимаетъ теперь гибкій станъ милой, цѣлуетъ ея коварныя очи, сплетаетъ поганой рукой черныя косы и смѣется надъ мной... О, проклятый похититель! Далеко ты запряталъ свою газель, долго убѣгаешь отъ нашихъ ножей, но скоро попадешься и ты, и на глазахъ милой, которую возьметъ себѣ въ жены Али, будешь корчиться въ страшныхъ мукахъ, если не умертвить тебя раньше ятаганъ.

Съ искаженнымъ злобой лицомъ, съ пѣной у рта, съ безумно блуждающими глазами, при тускломъ свѣтѣ Али былъ страшенъ и, казалось, всѣ атомы его организма прониклись злобой, жаждой мести. Забросивъ руки, онъ съ подавленнымъ стономъ повалился на паласъ и снова отдался терзаніямъ, снова думы больнѣ и больнѣ сжимали его сердце...

Входный пологъ кибитки тихо поднялся и вошелъ Нурджанъ.

Али быстро вскочилъ и схватилъ его мокрыя руки.

— Ну, что,? Видѣлъ ее? Говори скорѣе! Знаешь, гдѣ она, гдѣ ея поганый любовникъ—задыхаясь, шепталъ онъ.

— Постой, Али! Постой. Сначала я отдохну, а тамъ и расскажу тебѣ все, что узналъ про твою невѣсту.

Спокойно проговорилъ вошедшій, усаживаясь предъ огнемъ.

— Алла—тихо произнесъ Нурджанъ и, скривя ротъ въ нехорошую улыбку, посмотрѣлъ на Али.

— Не мучь, заклинаю тебя великимъ пророкомъ! Говори скорѣе! вскричалъ Али.

— Алла! Пройдетъ завтра день и не успѣетъ настать другой, какъ ты будешь обнимать свою возлюбленную, цѣловать ея уста, срывать дрожащими руками съ ея пышной груди дорогую одежду и, упиваясь блаженствомъ, цѣловать... мертвые очи—злобно захохотавъ, сказалъ Нурджанъ.

Мертвенная блѣдность покрыла лицо Али.

— Да скажешь ли ты, зловѣщій коршунъ, гдѣ Айтолконъ и что говорятъ твои слова и смѣхъ шайтана?—вскричалъ Али, выхватывая ятаганъ.

— Алла—продолжалъ Нурджанъ, не мѣняя позы и попрежнему насмѣшливо смотря на грознаго юношу.—Спрячь свой ножъ, а то онъ потускнѣетъ отъ дождя. Нурджанъ его не боится. Успокойся и слушай, гдѣ носилъ меня аргмакъ и что узналъ другъ твоего отца, Нурджанъ. Алла! Отецъ твой, данный намъ въ агиды самимъ пророкомъ, послалъ меня къ Кенисарѣ узнать про его силу и могущество, чтобы знать, какъ ему, отцу твоему, поступить—примыкать ли къ Кенисарѣ или не поднимать мятежа противъ урусовъ. Ну и тебя ему хотѣлось пристроить къ Кенисарѣ, породниться съ нимъ. Вотъ я и служу тутъ вамъ, всѣмъ, ищу бабу... Ха... ха... ха... Ну, ну! Зубами не скрежещи... Слушай! Айтолконъ теперь жена Беримжана, заклятаго врага твоего отца. Она

полюбина его, когда Кенисара быть походомъ на Уилѣ, любить мужа больше магометова рая и поклялась умереть, лишь только сомкнутся навсегда очи милаго. Эта жена сдержитъ клятву, она тверда такъ-же, какъ и прекрасна. Она не позволитъ чужой рукѣ дотронуться до своего гибкаго, какъ коза, стана, до своихъ черныхъ костей и ты, Али, получишь отъ нея гостинецъ еще лучше, чѣмъ...

— Замолчи, рабъ!.. Убью, собака...

Съ пѣной у рта вскричалъ дрожащій Али и замахнулся ятаганомъ.

Нурджанъ поспѣшно уклонился отъ удара, схватилъ за руки Али и, сверкая глазами, быстро и злобно зашепталъ:

— Помни, щенокъ, ты мой заклятый врагъ, внукъ гнуснаго злодѣя, сгубившаго мой славный родъ. Отецъ мой съ твоимъ дѣдомъ были дружны, клялись свято хранить союзъ, любовь, защищать вѣру Пророка, избивать гауровъ. Но дѣдъ твой, завидуя могуществу, славѣ, и батырству моего рода, какъ змѣя, какъ злой барсъ, подкрался къ нашимъ ауламъ ночью, когда въ нихъ оставались одни жены, дѣти, старики, а всѣ батыри ушли на аламантъ. Всемогущій Аллахъ! Я былъ тогда мальчишкой, но и теперь въ моихъ ушахъ стоитъ зловѣщій топотъ, крики злодѣевъ, стоны убиваемыхъ женъ, дѣтей, ревъ угоняемыхъ стадъ, испуганное ржаніе сбатованныхъ аргамаковъ... Меня привязали къ сѣдлу, какъ собаку... Коварный измѣнникъ на другую ночь засѣлъ въ камыши и ждалъ отца моего. Въ ту же ночь я пытался бѣжать, но злодѣи схватили меня и, жестоко избивъ по пяткамъ палками, отрѣзали по пальцу на каждой ногѣ. Весело, радостно бѣжали батыри съ славнаго набѣга, грузно ступали за ними нагруженные отбитымъ добромъ верблюды. Вотъ и камыши Уила, а тамъ всего два часа до родныхъ ауловъ... Какъ коршуны, напали измѣнники на нихъ и началась

страшная рѣзня... Я развязалъ арканъ, которымъ былъ привязанъ къ дикому камню и, забывъ нестерпимую боль въ ногахъ, бросился въ средину битвы, ища отца. Израненный онъ умиралъ въ тальниковыхъ кустахъ, призывая на измѣнниковъ кару Аллаха. Я упалъ ему на грудь и руками старался задержать кровь, ключемъ бьющую изъ ранъ. Славный Исентай, агидъ рода тлявскаго, узналъ своего сына Нурджана и тотчасъ же воззвалъ къ Аллаху и Пророку Его, который и избралъ меня мстителемъ за смерть отца, матери, братьевъ и всего рода тлявцевъ, въ одну ночь погубленнаго твоимъ подлымъ дѣдомъ. Теперь новый злодѣй, шакалъ Кейисара, сгубилъ мой родъ и жажда мщенія жжетъ мою грудь...

— Ты тлявскаго рода?!—воскликнуть ошеломленный Али.

— А ты думалъ я назаровецъ?! Ха-ха...

Какъ кошка скользнула Нурджанъ изъ кибитки и скрылся въ темнотѣ.

Али ринулся вслѣдъ, всполошилъ весь лагерь, но напрасно—Нурджанъ исчезъ.

V.

Лагерь всполошился. Былъ объявленъ походъ на Кара-Су.

Къ разсвѣту отряды были вблизи долины. Составили военный совѣтъ и рѣшили напасть съ двухъ сторонъ, чтобы замкнуть кара-кипчаковъ въ ихъ кочевья и не дать вырваться „ни одному псу“.

Тихо пробирались отряды въ обходъ долины и не мало дивились безпечности врага—ни сторожевой цѣпи, ни обычнаго джигита-часового.

Полная тишина.

„Спать собаки“—думалъ про себя каждый.

Но вотъ долина. По прежнему ни звука.

Нѣсколько джигитовъ выскочили на вершину, быстро

окинули взоромъ ущелье и увидѣли, что оно пусто. Съ противоположнаго конца подходить другой отрядъ. Свѣже притоптанная трава, обглоданныя кости, разноцвѣтныя тряпки, куски шерсти—все это показывало, что ущелье покинуто недавно. Рѣшено разбить здѣсь лагерь, а на развѣдки послать нѣсколько джигитовъ.

Быстро спустилась ночь. Долина Кара-Су, окутанная легкимъ туманомъ, представляла изъ себя довольно красивую картину: въ глубинѣ и по склонамъ пылали костры, надъ которыми висѣли громадные котлы съ мясомъ, а вокругъ живописными группами расположились джигиты, слушая домбру и напѣвы. Длинные чудовищныя тѣни колыхались и дрожали по ковыльнымъ склонамъ. Сбатованные кони тихо фыркали, жадно срывая траву. Въ сторожевой цѣпи слышалась едва уловимая перекличка. Небо заволокло облаками и туманъ спустился надъ ущельемъ.

Конченъ ужинъ. Погасли костры. Лагерь уснулъ. Табунщики-джигиты, расположившись подъ развѣсистымъ карагачемъ, держали въ поводу своихъ осѣдланыхъ лошадей и вели тихую бесѣду, чтобы превозмочь одолевавшую дремоту, причемъ время отъ времени зорко всматривались въ темноту ночи.

Ничего подозрительнаго.

Казалось—степь спала непробуднымъ сномъ.

Но эта тишина была зловѣщая...

По склону, по направленію къ табунщикамъ, ползла цѣлая цѣпь полунагихъ кичаковъ. У каждого изъ нихъ въ зубахъ торчалъ ножъ, а въ правой рукѣ ятаганъ. Глаза ихъ сверкали зловѣщимъ фосфорическимъ блескомъ, какъ у шакаловъ... Беззвучно подвигалась эта цѣпь и только изрѣдка слышались гортанные звуки: „ур... ур... ур...“ Когда они были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ табунщиковъ, ползшій впереди кичакъ-агидъ издалъ условный сигналъ и въ одинъ мигъ табунщики были окружены и перебиты... Ни крика, ни лязга ножей и

ятагановъ... Табунъ и нападавшіе скоро исчезли въ темнотѣ ночи...

Вдругъ воздухъ прорѣзалъ протяжный вой шакала..

А тамъ снова мертвая тишина...

Лишь только этотъ вой проникъ въ ущелье Акъ-Кудукъ, сливавшееся съ долиной Кара-Су, какъ въ немъ замелькали тѣни, сбѣгавшія по склону... То былъ условный знакъ для нападенія.

Неслышно, но быстро подвигался пѣшій отрядъ кипчаковъ... Грозной лавой двигались эти фигуры въ однѣхъ рубахахъ, съ высоко засученными шальварами... Зловѣще раздавалось въ ихъ рядахъ: „ур... ур... ур...“ При входѣ въ долину Кара-Су, всѣ кипчаки распластались по землѣ и, точно одна огромная змѣя, цѣпью стали спускаться къ спящему лагерю... На мгновеніе въ сторожевой цѣпи что-то лязгнуло—то два джигита пали мертвыми отъ коварной руки кипчаковъ. Впереди ползъ агидъ кипчаковъ, славный батырь Исеть, а рядомъ съ нимъ Нурджанъ... Вотъ они въ срединѣ лагеря... Послышались болѣе громкіе звуки „ур... ур... ур...“ и кипчаки разсыпались по кибиткамъ. Мгновеніе слышались только тихіе стоны убиваемыхъ.

Крикъ ужаса пронесся по долиנѣ и она наполнилась адскимъ гуломъ, въ которомъ слышались крики сражающихся, лязгъ ножей, ятагановъ. Маметь собралъ вокругъ себя кучку джигитовъ и поспѣшно сталъ отступать къ вершинѣ, гдѣ были сбатованы лошади. Исеть грозно насѣдалъ на него и съ каждой минутой отрядъ Мамета рѣдѣлъ. Послышался топотъ—то новая засада ударила въ тылъ Мамету и онъ былъ моментально смятъ. Палъ храбрый сподвижникъ Кенисары, правая рука батыря...

Нурджанъ искалъ Али, но тотъ успѣлъ собрать вокругъ себя небольшой отрядъ и храбро отбивался отъ кипчаковъ, подаваясь къ устью долины, гдѣ была часть лошадей и верблюдовъ. Нурджанъ поспѣшилъ

въ обходѣ. Али уже у цѣли, бросается къ первой же лошади, вскакиваетъ и обращается въ бѣгство. Нурджанъ завылъ отъ безсилія—ускользаетъ врагъ, отмстить которому была его завѣтная мечта, отмстить такъ, чтобы муки причинили страданія на много лѣтъ и чтобы отъ ужаса ихъ содрогнулся весь проклятый родъ Гуссеина. Онъ зычно крикнулъ: „атъ!“ (лошадь) и бросился въ погоню. Крикъ Нурджана былъ услышанъ и черезъ пять минутъ онъ уже летѣлъ на скакунѣ за Али. Это была бѣшеная скачка... Скоро, однако, лошадь подъ Али стала уставать и отъ ударовъ ногойкой уже не летѣла стрѣлой... Кровавая пѣна клубами падала на грудь, сбѣгала по ногамъ... Бока, точно кузнечные мѣхи, со свистомъ раздувались... Нурджанъ насѣдалъ... Впереди оврагъ. Али подобралъ поводья, ударилъ ногойкой по лошади, но силы измѣнили и они скрылись въ темнотѣ пропасти... Нурджанъ едва сдержалъ своего скакуна, слѣзъ съ сѣдла и спустился по обрыву на дно оврага.

Тамъ, около ручья, безпомощно стоналъ Али.

— Попалась собака, поганое отродье измѣнника Гуссеина.

Злобно ворчалъ Нурджанъ, связывая руки Али, который лежалъ безъ движенія.

Черезъ полчаса онъ скакалъ обратно въ Кара-Су, привязавъ Али къ крупу лошади.

VII.

Въ лагерѣ Кенисары ужасъ и смятеніе—только что доставленъ умирающій Али съ отрѣзанными ушами, носомъ и губами. Изуродованный джигитъ былъ привязанъ къ сѣдлу и за поясомъ у него найдено письмо къ Кенисарѣ: „Не батырь ты, не ханъ, а кровожадный шакаль... Всѣ мы, славные роды каменныхъ кипчаковъ, отъ старика и до грудного младенца, поклялись Небомъ и Аллахомъ отмстить тебѣ, варвару, за твои жестоко-

сти. Прими достойно посланца и помни, что таже участь ждетъ тебя, кровожаднаго шакала, и твоего поганаго брата Наурузбайку...“

Кенисара пришелъ въ бѣшенство и ударомъ ятагана разрубилъ черепъ киргизу, подавшему ему это письмо, а потомъ тотчасъ приказалъ развести костры поставить на нихъ котлы, и когда закипѣла вода, плѣнные киргизы, съ ихъ семействами, приводились къ кострамъ, со связанными руками, и на ихъ глазахъ жены и дѣти бросались „теленгутами“ (гвардія) въ кипящіе котлы и варились тамъ; а плѣнные мужчины были поставлены въ шеренги и умерли подъ жестокими пытками... Пали подъ ударами ятагановъ и всѣ приближенные, которые заподозрѣны въ измѣнѣ.

Долго лилась безвинная кровь, пока гнѣвъ хана Кенисары не утихъ.

Приказано идти немедленно въ горы и „уничтожить каменныхъ киргизовъ до послѣдняго младенца...“

Три тысячи лучшихъ джигитовъ, предводительствуемые Кенисарой и братомъ его Наурузбаемъ, двинулись въ горы... Акынъ Насымбай тутъ же слагалъ свой звучный стихъ про походъ на „поганныхъ измѣнниковъ“ и стройная домбра вѣдала степи вдохновеніе поэта-киргиза...

„О ты, батырь Кенисара,
„Надежда и мечта казаковъ...
„Скоро степь нашихъ предковъ-дѣдовъ
„Познаетъ свободу и вольную жизнь...
„Привѣтствуй, ковыль пушистый,
„Громко воспѣвайте въ выси голубой
„Турганъ про славу Кенисары...

VII.

Попузежа на гладкомъ камнѣ, о, который бѣшено била дѣвистая волна Джиланчика, Нурджанъ прислушивался къ немолчному реву рѣки, время отъ времени

оглядываясь на крутой, поросшій тальникомъ берегъ. Онъ, видимо, ждалъ кого-то.

Ночь окутывала узкое ущелье и только темножелтая полоса воды смягчала немного мрачный колоритъ, да брызги пѣнящихся волнъ туманными точками прорѣзывали мракъ. Изрѣдка выглянетъ изъ разорвавшихся свинцовыхъ тучъ яркая звѣзда и спрячется тотчасъ, точно испугавшись своего одиночества среди непрогляднаго мрака.

На противоположномъ берегу, уступами спускающимся къ рѣкѣ, послышался шумъ отъ паденія камней. Нурджанъ быстро поднялся и, наклонивъ слегка корпусъ впередъ, напряженно прислушался. Его ухо уловило всплескъ воды отъ паденія какого-то предмета, а вскорѣ глазъ различалъ надъ темно-желтой водной поверхностью черную массу, быстро плывущую внизъ по теченію, то скрываясь въ волнахъ, то взбираясь на ихъ гребни. Нурджанъ тихо свистнулъ. Ему отвѣтили. Немного спустя, къ берегу присталъ бурдюкъ, на которомъ возсѣдалъ высокій киргизъ.

— Ты, Абдулъ?

— Алла! Отвѣтилъ подошедшій, стряхивая съ халата брызги воды и снимая мокрыя чуваки.

— Привязалъ-ли ты свой бурдюкъ? Прибой волнъ сильный, какъ бы не унесло его—спросилъ Нурджанъ.

— Идемъ къ нему. Я тамъ въ тальникѣ высушу свои чуваки и поговоримъ о дѣлѣ. Алла!—отвѣтилъ Абдулъ.

Они подошли къ громадному, наполненному воздухомъ бурдюку, качавшемуся на пѣнистыхъ волнахъ, вытащили на берегъ и скрылись въ густомъ тальникѣ.

— Ты говоришь, Абдулъ, что твой аулъ согласенъ помочь намъ въ битвѣ?—Спросилъ Нурджанъ сидѣвшаго около тлѣющаго костра Абдула.

— Алла! Абдулъ сказалъ это.

Нурджанъ задумался. Его проникательные глаза горѣли какимъ то загадочнымъ блескомъ.

— Слушай, Абдуль... — проговорилъ Нурджанъ — родъ Дулата отдался Кенисарѣ, лишь только по степи пронесся о немъ слухъ; вашъ родъ дѣлалъ набѣги на мирныя аулы, вы грабили наши роды... Что же теперь вы задумали измѣнить?..

— Нашъ родъ славнаго Дулата вышелъ изъ одного корня съ кипчаками, мы вмѣстѣ несли рабство и горе отъ притѣснителей, дѣлили славу батырства... Злой Абъ-Ниранъ затмилъ наши глаза и послалъ на насъ шакала Кенисару, лъстивыя рѣчи его околдовали насъ и мы стали биться въ его рядахъ... Но теперь, когда онъ, проклятый, такъ звѣрски губить близкій Дулату родъ, глаза наши открылись и мы рѣшили мстить... Клянусь великимъ Аллахомъ, что я говорю правду...

Торжественно закончилъ Абдуль и вынулъ изъ пояса свой ятаганъ.

— Алла... — произнесъ Нурджанъ и они ударили ятаганами въ знакъ клятвы.

— Кенисара идетъ къ ущелью Кара-Су, гдѣ оставить въ вершинѣ Наурузбая съ тысячею джигитами, а самъ ударить на аулы Акъ-кудукъ. Я съ своими джигитами буду въ отрядѣ Кенисары. Въ разгаръ боя я ударю на него съ тыла, а ты отряди часть своихъ джигитовъ въ обходъ Наурузбаю. Такъ ли я говорю?

— Такъ. Къ ночи отрядъ будетъ въ тылу Наурузбая. А теперь прощай! Да поможетъ намъ Аллахъ убить шакала Кенисару.

Заговорщики разошлись. Нурджанъ незамѣтно исчезъ въ заросляхъ, а Абдуль спустился къ рѣкѣ и отвязалъ свой бурдюкъ. Никто изъ нихъ не замѣтилъ, какъ по берегу скользнула тѣнь, какъ тихо зашевелились вѣтви ивняка. Только рѣзкій крикъ луны прорѣзалъ ночную тишину и замеръ въ вершинахъ зубчатыхъ горъ. Нурджанъ замеръ на мѣстѣ. Но это продолжалось мгновенно. Выстрѣ барса, онъ бросился на крикъ и без-

шумно подкрался къ шпиону, готовившемуся издать новый крикъ.

— Шайтанъ—прошипѣлъ Нурджанъ и съ силой ударилъ его ножомъ въ спину.

Точно ковыль подъ серпомъ, повалился киргизъ, издавая стонъ, а Нурджанъ снова ползъ ужомъ въ густыхъ заросляхъ, время отъ времени вслушиваясь въ ночную тишину.

VIII.

Вѣтеръ отъ Араля нагналъ сѣро-черныя тучи, которыя окутывали вершины Ала-тау. Вихремъ онъ проносился въ ущельяхъ, сердито вздымая горныя рѣчки... Непроглядная ночь парила повсюду. Среди воя вѣтра, грознаго шума горныхъ потоковъ чуткое ухо улавливало шумъ топота, лязгъ пикъ и ятагановъ—то отрядъ Кенисары подвигался къ ауламъ Акъ-кудукъ. Длинной цѣпью растянулись джигиты, лавируя на своихъ аргамакахъ между горами камней, бережно переѣзжая бурливый потокъ. Лошади, вытянувъ шеи, осторожно ступали по каменистому грунту, бояливо пофыркивая на кручахъ.

Кенисара ѣхалъ впереди. Его голова низко была опущена на грудь, руки безсильно опустились на луку сѣдла. Орлиный взоръ батыря безцѣльно былъ устремленъ впередъ, ничего не различая въ непроглядной темнотѣ. Невеселыя думы обуревали мятежную голову батыря, назойливая мысль, что онъ погибнетъ, не закончивши своего дѣла, больно сверлила его мозгъ... Помимо воли вереницей проносились воспоминанія о дѣтствѣ, когда въ немъ зародилась мысль свергнуть цѣпи рабства, и еще тогда онъ клялся небу отдать себя на батырство... Вотъ онъ уже скоро и старикъ, а что сдѣлать? Близко ли осуществленіе завѣтной мечты? Онъ поднималъ степь, но все же ему приходится бороться со своими же племенами, а не съ сильными урусами. Да

и мыслимо ли начинать борьбу, когда изъ-за каждого камня, изъ-за каждого куста грозитъ пуля измѣнниковъ... Поневоѣ станешь жестокимъ, мстительнымъ...

Аргамакъ Кенисары шарахнулся въ сторону и громко фыркнулъ. Мгновенно Кенисара натянулъ поводъ и инстинктивно пригнулся къ лукъ... Раздался залпъ...

Въ отрядѣ Кенисары произошло смятеніе, но батырь зычнымъ голосомъ скомандовалъ атаку и засада была отбита. Но это только передовая была засада — впереди уже чернѣлъ вражескій отрядъ...

Грудь съ грудью ударились враги...

Лязгъ ятагановъ, ножей, свистъ дротиковъ, ногаекъ съ свинцовыми слитками, крики, стоны, зловѣщее „ур... ур...“—все это слилось со свистомъ вихря въ одинъ адскій гулъ... Джигиты схватились вплотную, ожесточенно нанося другъ другу смертельные удары, грызя зубами... Кенисара разилъ направо и налево, прочищая себѣ путь къ долиנѣ, но каменные киргизы насѣдали все сильнѣе и сильнѣе... Вотъ онъ, поражая ятаганомъ джигита-врага, отдаетъ приказаніе одному изъ своей свиты мчаться за Наурузбаемъ. Но тутъ произошло смятеніе. Раздался леденящій душу крикъ: „дямъна!“... Кольцомъ охваченъ отрядъ Кенисары.

Понявъ батырь, что не пробиться ему и скользнуть незамѣтно за уступъ. Но зоркій глазъ Нурджана давно слѣдилъ за нимъ и въ тотъ моментъ, когда Кенисара готовъ былъ повернуть аргاماка, сильный ударъ пики высадилъ его изъ сѣдла, а ударъ ятагана докончилъ дѣло...

Не видя своего батыря, отрядомъ овладѣла паника и джигиты, дравшіеся за минуту предъ этимъ какъ львы, побѣжали трусами—куланами, но пощады имъ не было—жестоко мстили каменные киргизы за свои сожженные аулы, за своихъ варварски замученныхъ женъ, дѣтей, отцовъ...

IX.

Долина Терекли, зеленою лентой развернувшаяся среди сѣрыхъ горныхъ кряжей, полна жизни. Всюду пестрѣютъ кибитки, слышно ржаніе аргамаковъ, веселый шумъ пиршества, прорѣзываемый звучными аккордами домбры.

Посреди долины поставлена богато убраная коврами и вышитыми кошмами кибитка агида. Къ тундуку ея прикрѣпленъ высокій тонкій шестъ, на свободномъ концѣ котораго торчала голова батыря Кенисары... Джигиты, гарцуя на своихъ быстроногихъ аргамакахъ, на скаку ударяли нагайками по шесту и плевали по направлению головы, при чемъ каждый разъ слышался злобный смѣхъ толпы.

Это дико каменные киргизы мстили Кенисарѣ за свои разоренные аулы, убитыхъ сородичей. Въ теченіе мѣсяца голова Кенисары возилась по ауламъ и отдавалась на поруганіе толпы...¹⁾

Такъ погибъ Кенисара, этотъ батырь, сильно беспокоившій русское правительство, надежда кочевниковъ, мечтавшихъ о политической свободѣ... Погибъ отъ мстительной руки своихъ-же единовѣрцевъ.

Въ ущельѣ Кашгаръ виднѣлся десятокъ сбатованныхъ лошадей, скучившихся у ручья Акъ-су. Когда-то здѣсь слышался веселый говоръ джигитовъ, поклявшихся Кенисарѣ батырствомъ, раздавались веселые напѣвы пѣвца Насымбая, привѣтствовавшаго „восходящую надъ степью звѣзду свободы...“ Теперь тишина... Вечерній сумракъ сгущался. Легкій бѣлесоватый туманъ спускался

¹⁾ Впослѣдствіи голова Кенисары попала въ руки одного русскаго вельможи, если не ошибаюсь, Воронцова.

на дно ущелья и прозрачной дымкой уходилъ внизъ по склону...

Подъ тѣнистымъ карагачемъ видна кучка киргизовъ. На ихъ лицахъ отразилась глубокая скорбь, отъ которой фигура каждаго киргиза казалась придавленной, безпомощной и жалкой.

Это остатки сильнаго отряда Кенисары Касымова... Тутъ и пѣвецъ-поэтъ Насымбай, сражавшійся рядомъ съ Кенисарой и на глазахъ котораго упалъ батырь, сраженный каварной рукой Нурджана.

Тишина. Слышно какъ ручей сбѣгаетъ по каменистому руслу, гармонично журча среди зеленаго высокаго ковыля, поросшаго по берегамъ...

Вдругъ тишина ущелья прорѣзывается стройнымъ аккордомъ дамбры, а вслѣдъ раздалось высокое грудное „Э... Э... Алла...“ Полилась грустная, въ душу проникающая, надгробная пѣснь Насымбая, тутъ же имъ сложенная...

Плачь горькими слезами, степь родная!
Поникни гордой головою, высокій ковыль!
Посѣтила насъ, казаковъ, кручинушка злая,
Въ сердцѣ когтями впила ужасная боль...

Погибъ нашъ агадъ и батырь могучій,
Ручкою каварной въ засадѣ сраженный...
Погибъ Кенисара—точно боръ дремучій
Злымъ пожаромъ нещадно спаленный...

Меркните звѣзды небесныя!
Камни рыдайте! Потухли зоря!
Рухните гордыя скалы отвѣсныя!
Смолкли веселая пѣсня ручья!

Нѣтъ Кенисары, посланника неба—
Мертвый онъ... Теперь поруганье
Надъ трупомъ свершаютъ аскеды,
Кипчаки проклятые, ада посланье...

Стихи вѣтеръ свободный!
Свои пѣсни забудьте акыны...

Слышится плачь лишь надгробный—
Степь потеряла лучшего сына... ¹⁾

.....

Долго еще лилась пѣсня-импровизація, полная мучительныхъ аккордовъ, далеко-далеко несясь по ущелью, а тамъ, вырвавшись на свободу, аккорды льются по широкой ковыльной степи, всюду разнося скорбную вѣсть о смерти батыря. Кенисары... И внимало рыдающему аккорду все окружающее... По смуглымъ лицамъ слушателей струились обильныя слезы, а порой вырывался стонъ... Казалось, что вся природа рыдала вмѣстѣ съ этой безутѣшною пѣснью...

А высокое, голубое, звѣздное небо по прежнему оставалось равнодушнымъ, безстрастно обливая своей чистостью ущелья, играя звѣздами въ чистой водѣ журчащаго ручья...

¹⁾ Вольный переводъ.

Послѣдній аламанъ.

I.

Страшна степь во время бурана... Жутко въ такую непогодь путнику, жутко кочевнику съ его стадами, жутко и новоселу въ своей мазанкѣ... Всѣ знаютъ, что пробуждаетъ буранъ не два три дня, а затянеть свою вьюгу на всю недѣлю.

Рѣзкій, до костей пронизывающій вѣтеръ, то съ бѣшеной силой крутитъ въ воздухѣ мокрый падающій снѣгъ, то подхватываетъ его съ земли вмѣстѣ съ пескомъ... Съ невыразимой быстротой несутся по степи эти громады снѣга и песку, щедро осыпая приютившіяся около скалы караванъ верблюдовъ, кибитку, привязанную къ приколамъ, жалкую лачугу переселенца, точно играя и хвастаясь своей силой и необузданностью.

Въ степи въ это время замираетъ всякая жизнь.. Все живое каждое мгновенье ждетъ, что вотъ-вотъ налетитъ снѣжно-песчаный гигантъ, плотно придавитъ своей громадой, а тамъ начнетъ насыпать могильный холмъ, тщательно замѣтая слѣды преступленія. Ничто не въ силахъ сдержать эту дикую стихію, ей нѣтъ преградъ... Въ двухъ шагахъ, кромѣ бесконечной метели, ничего не видно... Дорога и слѣдъ тотчасъ же замечаются... Степь наполняется миражами...

Вотъ видѣнь въ сѣрой, туманной дали какой-то громадный предметъ, похожій иногда и на кибитку и на стогъ сѣна, а вблизи его точно движутся фигуры; вотъ еще нѣсколько усилій и отдыхъ, спасенье... Но черезъ

минуту ужасъ оковываетъ все существо, леденить душу—спасительная кибитка исчезаетъ, а на мѣстѣ ея является большой кустъ ковыля, который покачиваніемъ своей пушистой верхушки какъ-бы сожалѣетъ за невольный обманъ, и широко раздвигаетъ высокіе стебли, точно стараясь превратиться, если и не въ кибитку и стогъ, то по крайней мѣрѣ въ копну, гдѣ бы могъ укрыться путникъ, могъ бы на минуту облегчить свои страданья...

II.

Въ густыхъ заросляхъ камыша, на обрывистомъ берегу рѣки Ори, звонко катящей свои желтоватыя воды въ славный Уралъ, ютился аулъ „Кара-Тамъ“. Жили въ немъ киргизы Джагалбайлинскаго рода.

Земляныя лачуги, съ плоской камышевой крышей, съ низкой дверью и круглымъ окномъ, затянутымъ пузыряремъ, совершенно скрыты въ „джунгляхъ“ (заросли камыша) и сугробахъ снѣга.

Небогато живутъ киргизы Кара-Тама. Каждая семья имѣетъ десятокъ барановъ, два-три аргамака, да столько-же коровъ. Нужда видна во всемъ, начиная отъ ветхихъ кибитокъ, поставленныхъ около зимовокъ и кончая полунагими, съ отвисшими животами дѣтьми.

Обитатели Кара-Тама принадлежали къ классу кочевниковъ, именующихся „свободными сынами степи“, которые ведутъ свой родъ обыкновенно отъ батырей, извѣстныхъ своими набѣгами...

Сыны Кара-Тама были грозой сосѣднихъ мирныхъ ауловъ, дѣлая на нихъ опустошительные барантуй и своими страшными аламанами наводили ужасъ на проходившіе караваны.

Въ одной изъ землянокъ, на грубомъ коврѣ, разостланомъ передъ тускло мерцающимъ очагомъ, сидѣли, поджавъ подъ себя ноги, киргизы Кара-Тама и сосѣд-

наго аула Косъ-Истека. Въ срединѣ этой группы одѣтыхъ въ халаты и бешметы гостей сидѣлъ агидъ (вождь) Кара-Тама и Косъ-Истека, онъ же и хозяинъ кибитки—Бекъ-Мухамедъ Сулейминовъ. Вся его фигура дышала энергіей, непреклонной волей и властью. Своимъ батырствомъ, удалствомъ, дерзкими набѣгами онъ былъ извѣстенъ многимъ киргизскимъ родамъ и одни изъ нихъ относились къ этому „сыну вольной степи“ съ уваженіемъ, любовью, другіе—со страхомъ и ненавистью.

Всѣ молчали и какъ бы застыли въ своихъ, слегка наклоненныхъ, позахъ... Хозяинъ изрѣдка подбрасывалъ въ огонь кизякъ, или камышъ, отчего пламя ярко вспыхивало, на мгновеніе освѣщая убогое жилище, бросая чудовищныя тѣни по его сырмъ, грязнымъ стѣнамъ.

На дворѣ свирѣпствовалъ буранъ... Старая зимовка жалобно стонетъ, точно больная старуха, подъ сильнымъ напоромъ вѣтра, а тщедушная камышевая крыша ежеминутно грозитъ покнуться свой незатѣйливый вѣнецъ и отдаться въ забаву бѣшенному вихрю. Въ камышахъ слышались тѣ жалобные, тоскливые и вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленные звуки, которые только и свойственны „джунглямъ“... Чуткое ухо киргиза различаетъ въ нихъ вздохи, шепотъ добрыхъ духовъ, шелканье, скрежетаніе злорадствующаго своей игрой Абу-Нирана...

— Боюсь, какъ бы злой Абу-Ниранъ не скрылъ отъ аргамака Куккоза путь къ нашему аулу и не погубить бы задуманное дѣло — проговорилъ одинъ изъ гостей, не измѣняя позы.

— Кудай (Боже)—восклинуть старикъ Бій Али, ведущій свой родъ отъ Аблай-хана—Ты не допустишь, чтобы достойный сынъ степи погибъ отъ злаго Абу-Нирана... Ты не огорчишь своихъ правовѣрныхъ сыновъ... Бисмилля!

— Бисмилля! — разнеслось по землянкѣ.

Вдругъ собаки съ лаемъ бросились въ камыши... Бекъ-Мухамедъ быстро всталъ отъ огня, подошелъ къ

занесенному снѣгомъ окну и напряженно прислушивался къ отдаленному лаю, прерываемому порывами вѣтра.

— Абу-Ниранъ — произнесъ онъ, немного спустя — шлетъ на наши стада волковъ...

Онъ снова сѣлъ на прежнее мѣсто, подбросилъ въ очагъ камышу и погрузился въ созерцаніе синевато-краснаго пламени... Снова наступило молчаніе, прерываемое свистомъ бурана, трескомъ огня...

III.

Послышался едва уловимый, но вмѣстѣ съ тѣмъ легко различаемый привычнымъ ухомъ среди гула и свиста бури крикъ степного луны. Всѣ быстро подняли головы и тревожно прислушались. Бекъ-Мухамедъ снова подошелъ къ окну, приложился ухомъ къ запорошенному снѣгомъ пузырю и какъ-бы замеръ...

Крикъ повторился и значительно ближе...

— Кудаидъ даетъ Куккова—тихо промолвилъ онъ и, накинувъ на голову халатъ, быстро вышелъ изъ землянки.

У окна раздался пронзительный, покрывающій свистъ вихря, крикъ луны. Какъ эхо, отвѣтилъ ему вдали такой-же крикъ, а немного спустя, послышались топотъ и фырканье лошади.

Вслѣдъ за вошедшимъ агидомъ въ дверяхъ показалась высокая стройная фигура давно ожидаемаго Куккова, сына Бекъ-Мухамеда. Покрытый снѣгомъ, съ заиндѣвѣвшей бородой, съ ружьемъ черезъ плечо и ятаганомъ у пояса, съ длиннымъ дротикомъ въ лѣвой рукѣ, въ высокомъ конусообразномъ малахаѣ и короткомъ бешметѣ, онъ казался, при тускломъ освѣщеніи, какимъ-то сказочнымъ рыцаремъ съ вѣчныхъ льдовъ.

— Селимъ-аликимъ—произнесъ Кукковъ, снимая доспѣхи и стяхивая съ малахая и бешмета снѣгъ.

— Маликимъ-асселямъ—хоромъ отвѣтили сидѣвшіе

и, немного потѣснившись, освободили около очага мѣсто, которое и занялъ новопривышій.

Вскорѣ вошли жены агида, держа громадныя деревянныя чашки съ дымящимся мясомъ; молча поставили ихъ передъ гостями и безшумно удалились въ кибитку. Началась трапеза...

— Теперь, Куккозъ—произнесъ Али, какъ только кончился ужинъ—скажи намъ, гдѣ носилъ тебя твой быстроногій аргамакъ, какъ исполнилъ ты порученіе своего отца и насъ, правовѣрныхъ. Бисмилля!...

— Бисмилля! — ахомъ пронеслось между присутствующими.

— Изъ благословеннаго Кара-Тама — начать повѣствовать Куккозъ—я проѣхалъ къ нашимъ достойнымъ братьямъ, къ сынамъ славнаго Гаита. Имъ я сказалъ, что стада наши не умножаются, сыны Джагалбайлина бѣдѣютъ... Достойные сыны Гаита! готовы-ли вы помочь дружественному, и всегда помогавшему въ вашихъ набѣгахъ роду Джагалбайлинскому, готовы-ли вы раздѣлить съ нами добычу, которую несутъ на себѣ сорокъ верблюдовъ уруса Лазаря?... Сыны Гаита свершили намазъ и согласились. Отъ нихъ я направилъ своего аргмака къ ущелью Кокбектѣ, гдѣ нашелъ караванъ. Охраняютъ его двадцать три ногая и сарта, вооруженные дрянными пиками и желѣзными ножами. Эту ночь онъ будетъ въ ущельѣ Бекенбай-Сая. Лазарь проѣхалъ въ этотъ день Кокбектѣ и буранъ не пустить его дальше Бекенбай-Сая. Вотъ все, что сдѣлалъ недостойный Куккозъ, который просить у Кудая и аксакаловъ милости.

— Сыны Гаита гдѣ будутъ ждать? спросилъ сына Бекъ-Мухамедъ.

— Лишь только пройдетъ часъ, какъ настанетъ ночь, и они будутъ у Кокбектѣ.

— Славный Бекъ-Мухамедъ!—торжественно произнесъ старикъ Али — Всевышній Богъ далъ тебѣ спра-

ведливость духа правды, сердце льва, неустрашимость вихря, быстрый полетъ орла!... Веди насъ, вѣрныхъ за-вѣтамъ дѣдовъ и отцовъ, на аламанъ, который да по-полнить наши стада, изукраситъ наши кибитки коврами, одѣнетъ нашихъ женъ и дочерей въ шелкъ, серебро, наполнить наши сундуки дорогими халатами, одѣялами.

— Бисмилля! Аламанъ, аламанъ во славу его, на батырство намъ!...

Громко произнесли всѣ присутствующіе, вставая отъ огня.

Черезъ полчаса киргизы Кара-Тама и Косъ-Истека, вооруженные кремневыми ружьями, пиками и ятаганами, неслись по степи на своихъ аргамакахъ, низко припавъ къ яукъ и одобряя бѣгуновъ трепаньемъ по мокрой шеѣ. Впереди неся Куккозъ, находя дорогу по тальниковымъ вѣхамъ, воткнутымъ имъ, при возвращеніи съ развѣдокъ.

Буранъ усиливался... Вихрь съ бѣшеной силой крутилъ въ воздухѣ снѣгъ, засыпалъ глаза лошадямъ и всадникамъ, рвалъ на нихъ одежду, но привычнымъ сынамъ степи Абу-Ниранъ не страшень... Взоры всадниковъ были прикованы къ бѣгу аргамаковъ.

IV.

Много въ Мугуджарскихъ горахъ, изрѣзавшихъ сѣверо-восточную часть киргизской степи, ущелій, скалъ, стремнинъ, дикая красота которыхъ навѣваетъ на душу то-же непонятное, пріятное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое-то тягостное чувство, какое охватываетъ все существо, тоскливо сжимаетъ сердце при созерцаніи грандіозныхъ картинъ Кавказа. Но здѣсь глазъ, на ряду съ послѣдними, не находитъ той чудной и мирной картины раскинутыхъ по скаламъ, ютящихся въ ущельяхъ, ауловъ съ ихъ многочисленными стадами, виноградниками, съ ихъ незамысловатой, манящей жизнью, которая тотчасъ-же смягчаетъ тяжелое чувство, тихо ласкаетъ наболѣв-

шее сердце... Киргизъ не любитъ эти ущелья и скалы. Грандіозныя картины не останавливаютъ на себѣ его взоровъ. Безграничная степь, съ ея жгучимъ солнцемъ, неизмѣннымъ и безоблачнымъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ небомъ, съ ея причудливыми миражами, съ отсутствіемъ кипучей человѣческой жизни, съ ея скудной растительностью—его стихія и жизнь съ нею киргизъ не промѣняетъ ни на какія горныя красоты, также какъ горецъ послѣднія—на пустынную, однообразную степь.

Дикъ и необитаемъ Бекенбай - Сай. Лѣтомъ кочевникъ спѣшитъ прогнать свои стада, не обращая вниманія на хорошія пастбища по склонамъ ущелья, не соблазняется чистой, холодной водой рѣки Ак-су, причудливо извивающейся по дну ущелья; караванъ не разбиваетъ своихъ шатровъ, не освѣжаетъ измученныхъ верблюдовъ сочной травой... Всѣмъ здѣсь жутко, тѣсно въ этой стремнинѣ... Зимой ущелье еще угрюмѣе, еще грознѣе своей зловѣщей тишиной... Прежде чѣмъ ступить на „шайтанжолъ“ (чертову дорогу), то зигзагообразно прорѣзывающую скалистые выступы, покрытые рѣдкимъ чернолѣсьемъ, то круто спускающуюся къ самому берегу Ак-су, то идущую подъ голой скалой съ выступившими плоскими глыбами, грозящими ежеминутнымъ обваломъ,—каждый вѣрный Исламу совершаетъ намазъ (молитву). Здѣсь и буранъ, какъ бы подпадаая подъ вліяніе общаго страха, значительно умѣряетъ свою всеокрушающую силу.

Въ ущельѣ Бекенбай-Сай много обширныхъ пещеръ, которыя, по преданію, служили убѣжищами огнепоклонникамъ, тѣснимымъ проповѣдниками Ислама за непринятіе ихъ ученія, а теперь въ нихъ находятъ приютъ караваны во время непогоды.

Въ самой большой пещерѣ „Актазъ“ расположился на ночевку караванъ русскаго купца Лазаря Жемчужникова, за бураномъ не достигнувшій аула. Двугорбыя дѣти пустыни, освобожденные отъ тяжелыхъ вьюковъ,

измученныя долгимъ и труднымъ переходомъ, отдались дремотѣ и пережевыванію сорванныхъ на пути колючекъ, поджавъ подъ себя обледенѣлыя ноги. Между ними, плотно прильнувъ къ мокрой, но теплой шерсти, спали погонщики, накрытые кошмами. Посрединѣ были свалены тюки.

Въ пещерѣ слабо мерцалъ синеватымъ огонькомъ сложенный изъ сухого кизяку очагъ, не разгоняя мрака. Вблизи огня сидѣлъ молодой сартъ, опоясанный ятаганомъ и съ дикой на колѣняхъ. Онъ тревожно прислушивался къ завываніямъ бури, безпокойно осматривалъ тюки, спящихъ товарищей... Какъ видно онъ хотѣлъ чѣмъ-то подѣлиться съ ними, разрѣшить мучившія его сомнѣнія... Закрались они къ нему въ душу при какомъ-то странномъ отдаленномъ шумѣ, едва различаемомъ за завываніями бури, и вмѣстѣ съ этимъ предъ нимъ мгновенно вставалъ образъ видѣннаго въ ущельѣ Кокбектѣ киргиза, подозрительно осматривающаго ихъ караванъ... Сердце усиленно стучало, предчувствіе чего-то недобраго томило молодого сарта... Онъ нѣсколько разъ порывался дать условный знакъ къ тревогѣ, но мысль, что ничего нѣтъ на самомъ дѣлѣ и гулъ, свистъ вѣтра онъ принялъ за топотъ лошадей, или просто злой Абу-Ниранъ задумалъ поугатъ его, останавливала его... О, тогдапозорное „трусъ“ ляжетъ вѣчнымъ пятномъ на его батырство.

— Нѣтъ, твердо рѣшилъ сартъ, и, судорожно сжавши древко копья, весь превратился въ слухъ.

А врагъ былъ близко.

По берегу Ак-су осторожно пробирались сыны Кара-Тама, Косъ-Истѣка и Гаита.

Измученные аргмаки, низко опустивъ головы и тихо пофыркивая, осторожно ступали по сугробамъ и далеко обходили крутые овражки. Давно уже пробираются они безъ дороги отъ Кокбектѣ, гдѣ соединились съ сынами Гаита, много разъ теряли надежду видѣть Бекенбай и много разъ грозила имъ опасность быть

погребенными въ ущельѣ, но чуткіе аргамаки, носившіе не разъ своихъ властелиновъ на аламанъ въ Бекенбайсай, спасали отъ паденія и тихо пробирались по берегу Ак-су. Всадники по-прежнему хранили глубокое молчаніе и только еще ниже пригнулись къ лукѣ, еще ласковѣе трепали аргамаковъ по ихъ мокрымъ шеямъ.

У входа въ ущелье Бекъ-Мухмедъ остановилъ своего коня и тихо свиснулъ. Тотчасъ-же сгруппировались вокругъ него всадники...

— Я вдыхаю—тихо началъ агидъ—струю дыма. Караванъ близко... Почуетъ онъ въ пещерѣ Ак-Тазъ, которая только и можетъ вмѣстить его многочисленныхъ верблюдовъ... Достойные сыны свободной жизни! Трудно намъ овладѣть караваномъ, но да и стыдно батырмамъ отступать... Лучше умереть, чѣмъ прослыть трусомъ. Я, вашъ агидъ, заклинаю васъ Аллахомъ не покидайте каравана, не отбивши его, не позорьте славнаго имени сыновъ Аблая, Гаита, не обманите розовыхъ желаній и надеждъ оставленныхъ въ аулахъ стариковъ, женъ и дѣтей. Храбро за мной! Аламанъ!

Пронесся по ущелью пронзительный, клокочущій, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы побѣдный крикъ луны. Покрылъ онъ ревъ и свистъ вихря, который какъ будто стихъ на мгновеніе, недоумѣвая неслыханной дерзости осмѣливавшагося нарушить его страшное игрище... Больно потрясъ онъ все существо молодого сарта и тотъ, почуя бѣду, издалъ рѣзкій свистъ, выхватилъ ятаганъ и сталъ у входа пещеры. Быстро вскочили погоньщики. Не успѣлъ сартъ произнести роковое „аламанъ“, какъ гулко раздался по пещерѣ залпъ выстрѣловъ.

Завязался страшный бой.

Твердо помнили нападающіе заклинаніе своего любимаго агиды, еще упорнѣе, еще отчаяннѣе отстаивали своихъ верблюдовъ погоньщики. Металлическій звукъ окровавленныхъ ятагановъ, трескъ ломавшихся пикъ, прокля-

тія, стоны, ободряющіе крики—все это слилось и наполнило пещеру адскимъ гуломъ... Страшенъ кочевникъ, когда нѣтъ ему спасенія, когда отнимаютъ у него послѣднее достояніе, лишаютъ драгоценной свободы и жизни. Израненный, не въ силахъ уже держаться на ногахъ, онъ съ злобой и проклятіемъ извивается, какъ змѣя, грызетъ ноги сражающихся и ищетъ средствъ убить кого нибудь—будь то врагъ, или защитникъ... Онъ умираетъ и не хочетъ, чтобы жили другіе... Испуганные верблюды съ ревомъ метались по пещерѣ, давя сражающихся и, наконецъ, вырвавшись, бросились къ ближайшей скалѣ, гдѣ и остановились, жалобно издавая гортанные звуки.

Утихаль шумъ. Не такъ рѣзко лязгъ оружія. Видимо, бой кlonился къ концу.

Вдругъ Куккозъ, освирѣпѣвшій отъ крови, ручьями льющейся по пещерѣ, съ обнаженнымъ окровавленнымъ ятаганомъ въ одной и ножомъ въ другой рукѣ, съ дикимъ крикомъ бросился изъ пещеры.

За нимъ послѣдоваль бій-Али съ двумя киргизами.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пещеры стоялъ возокъ. Кучеръ Ахметъ, какъ только его уха коснулись глухіе звуки сражающихся, хотѣлъ повернуть назадъ, но было поздно—возокъ замѣтили и Ахметъ, прошептавъ „Алла“, скатился внизъ по ущелью.

Куккозъ и Али цѣплялись уже за фартуки возка, ихъ звѣрскія лица проникали внутрь послѣдняго... Раздалось одинъ за другимъ нѣсколько выстрѣловъ и первыми повалились Али и Куккозъ.

Бек-Мухамедъ, заслышавъ выстрѣлы, быстро выскочилъ изъ пещеры, гдѣ всѣ храбрые защитники лежали уже мертвыми, подбѣжалъ къ возку, около котораго толпились смущенные киргизы и ужасъ сковаль его душу.

Сынъ, его единственный любимый сынъ, гордость

сыновъ степи, убить! О, горе, горе ты послать, Кудай горе, не вознаградить котораго и добыча десяти такихъ каравановъ! Такъ смерть-же лютая, какую не придумаетъ и самъ Абу-Ниранъ съ своими шайтанами, смерть проклятому, отъ руки котораго пала такая жемчужина, какъ Куккозъ...

Съ лицомъ, искаженнымъ злобой и жадой мести, Бекъ-Мухамедъ бросился къ возку, судорожно сжимая рукоятку ножа. Снова раздались ожесточенные крики киргизовъ, снова слышались тихіе, раздражающіе стоны убиваемыхъ.

* * *

Все стихло. Въ пещерѣ пусто. Ключья одежды, кошмы, рогожи, масса свѣжихъ слѣдовъ—все это указывало, что она недавно покинута, а обломки копій, ятагановъ, ножей, лужи крови—на происходившее побоище. Ужасенъ былъ послѣдній аламанъ, страшна была предсмертная пѣсня вольныхъ сыновъ степи...

Буранъ съ прежней силой завылъ надъ ущельемъ, а вихрь, кажется, еще злобнѣе, еще бѣшенѣе завертѣлся, засыпая трупы, сброшенные внизъ...

По склону обрыва осторожно пробиралась небольшая фигура человѣка, безпокойно оглядывающагося по сторонамъ и прислушивающагося къ завываніямъ бури. Это былъ Ахметъ. Онъ еще не могъ понять, какимъ чудомъ онъ спасся, а иногда и не вѣрилъ въ свое спасеніе, думалъ что это бредъ, что изрубленный онъ умираетъ, но дѣйствительность скоро разогнала эти мысли и онъ съ радостно-бьющимся сердцемъ, какъ кошка, взбирался по склону. Слышалъ онъ, какъ кончился кровавый пиръ степныхъ коршуновъ, какъ навьючили они верблюдовъ и скрылись въ темнотѣ...

V.

Прошло много лѣтъ.

Весело, привольно живетъ кочевнику лѣтомъ. Всѣ заботы, тревоги долгой, суровой зимы, мучительной голодовки смѣняются продолжительнымъ праздникомъ, наступающимъ при первыхъ оттепеляхъ и кончающимся съ первыми морозами. Кумысъ не изсякаетъ въ его „турсукахъ“ (кожаный мѣшокъ), казаны съ бараниной не перестаютъ дымиться, а грустные налѣвы подъ домбру про дѣла славныхъ батырей, навѣваютъ сладкую дремоту...

Особенно-же манитъ киргиза раскинутая по рѣкѣ Каргалы долина Хазретъ. Все въ ней стройно, прекрасно... Вся она дышетъ тихой, манящей жизнью... Одѣтая пестрымъ ковромъ цвѣтовъ, нѣжнозеленой, сочной пеленой травъ, съ ивовой рощей по берегу рѣки, мирно катящей свои чистыя изумрудныя воды, съ голубымъ, безоблачнымъ небомъ, въ синевѣ котораго звонко заливаются жаворонки,—долина Хазретъ является лучшимъ оазисомъ среди голой, выжженной палящими лучами солнца, степи, вполне оправдываетъ свое названіе „священная“.

Въ аулѣ рода Гаита, разбившемъ свои просторныя кибитки въ долину Хазрета, царитъ тишина, изрѣдка нарушаемая блеяніемъ привязанныхъ къ кибиткамъ ягнятъ. Мужчины наслаждаются послѣобѣденнымъ сномъ, а жены ушли въ рощу доить кобылицъ.

У входа одной богатой кибитки сидитъ сгорбленный старикъ, перебирая высохшими дрожащими пальцами четки. Трудно въ немъ узнать храбраго удалца Бія-Али. Только въ черныхъ глазахъ нѣтъ-нѣтъ—да блеснетъ прежній огонекъ отваги вольнаго сына степи.

Вотъ уже много лѣтъ думаетъ старикъ одну и ту же невеселую думу...

Памятенъ ему послѣдній аламантъ... Вотъ его, израненнаго, съ раздробленной ногой, оставили въ ближнемъ аулѣ Гапта, изъ котораго ему и не суждено было попасть въ родной аулъ Кара-Тама... Нежданно нагрянуль отрядъ урусовъ, взявъ отбитыхъ верблюдовъ и тюки, наложить позорныя цѣпи на храбрыхъ сыновъ Кара-Тама.

— О, проклятый ногой!—злбно шептали губы старика—самъ шайтанъ спасъ тебя, чтобы ты рассказалъ урусамъ объ аламанѣ и послалъ на насъ солдатъ.

Вотъ заволновалась степь, добиваясь прежней свободы, но Боже! что это былъ за бунтъ... Это былъ бунтъ рабовъ, привыкшихъ къ своимъ цѣпямъ *)...

Послѣ первыхъ же выстрѣловъ урусовъ эти толпы бродягъ разбѣжались...

Грустныя думы волновали старика, слезы тихо покатились по сморщенному лицу, падали на пожелтѣвшую бороду, голова сильнѣе склонилась на грудь.

Не такъ уже угрюмъ и необитаемъ Бекенбай-Сай. Въ долинѣ его можно видѣть теперь и кибитки кочевниковъ и мирно пасущіяся стада. Прохожіе караваны разбиваются около рѣки шатры и пережидаютъ полуденный зной.

Въ глубинѣ ущелья, противъ завалившейся пещеры Ак-тазъ, стоитъ покосившійся дубовый крестъ.

*) Послѣднія волненія киргизовъ въ концѣ 60-хъ годовъ, когда вводилось новое положеніе по управленію степями.

По барханамъ Приаралья.

Мы медленно плыли по сѣрожелтымъ барханамъ Приаралья. Иначе и нельзя опредѣлить нашего путешествія на спинахъ двугорбыхъ кораблей пустыни, въ маленькихъ клѣткахъ-каюткахъ, прикрѣпленныхъ къ вьючному сѣдлу верблюда. Вытянувъ свои гибкія, длинныя шеи, тихо пофыркивая, дѣти пустыни плавно ныряли по высокимъ холмамъ, точно по гребнямъ высоко вздымающихся волнъ. Также плавно, то спускаясь, то снова подымаясь, покачивалась моя каютка...

Кругомъ разстилалась безбрежная пустыня, однообразная, до жуткости, своимъ унылымъ пейзажемъ. Безконечныя цѣпи песчаныхъ холмовъ, точно гигантскія змѣи, пережившіяся между собой, уходили въ синѣющую даль, сливаясь съ горизонтомъ... Песокъ, песокъ и песокъ... Имъ насыщенъ воздухъ, имъ набита шерсть верблюдовъ, сѣрымъ слоемъ онъ лежитъ на вьюкѣ, на одеждѣ погонщиковъ, онъ проникаетъ во всѣ поры уставшаго, расслабленнаго тѣла... Неизмѣнное въ теченіе многихъ недѣль, безоблачное небо убрано перистыми, точно нѣжныя кружева, облачками самыхъ причудливыхъ очертаній...

Отвѣсныя лучи солнца, не умѣряемые въ своей жгучести ни растительностью, ни водными бассейнами, раскалили песокъ, немилосердно палили наши спины и горбы верблюдовъ. Въ воздухѣ не шелохнется, точно застылъ онъ, сгущенный пылью и раскаленными частицами песка... Кое-гдѣ вдали, тамъ на чертѣ горизонта,

струится марево, точно волнующийся от легкого вѣтра ковыль. Утомленный однообразіемъ глазъ начинаетъ, наконецъ, различать неясныя очертанія какого-то ландшафта. Понемногу послѣдній вырисовывается яснѣе и приковываетъ къ себѣ взоры причудливыми очертаніями. Вотъ видна серебристая лента воды съ широкими плесами, тихими заводями, надъ которыми склоняются кupy вѣтвистыхъ деревьевъ. А за этой водной лентой выдѣляются зубчатые башенки замковъ, высокіе тонкіе шпилы мечетей, полукруглыя верхушки гигантскихъ кибитокъ. И все это обито красновато-желтымъ свѣтомъ, который играетъ, переливаясь свѣтящимися искорками, на мелкой зыби рѣки, на рѣзныхъ башенкахъ замковъ, на полумѣсяцахъ мечетей. Надъ этой фантастической панорамой въ выси рѣять какія-то черныя точки... Вотъ они все ближе и ближе. Вдругъ все это исчезаетъ, и на мѣстѣ чуждаго ландшафта, ласкавшаго взоръ, рѣетъ орелъ-стервятникъ, хищно высматривая, нѣтъ ли гдѣ добычи, жертвы пустыни, да хилый саксаулъ, этотъ единственный представитель приаральской флоры, уныло смотритъ изъ песчаного гребня наноснаго холма... Сотня - другая шаговъ, десятокъ другой толчковъ отъ невѣрной поступи верблюда и... снова миражъ, въ общихъ чертахъ похожій на предыдущій, разниційся только въ деталяхъ—вмѣсто рѣки, круглое, точно опрокинутое блюдо, озеро; вмѣсто замковъ, зубчатые вершины слюдистыхъ горъ.

Верблюды, глухо позвякивая вьючными болтами, лѣнивымъ шагомъ, гуськомъ, тянутся по барханамъ. Передній, одnogорбый наръ, красавецъ Ферганы, точно лебедь плыль среди безконечной цѣпи холмовъ, и чутко поводитъ своей небольшой головой, точно къ чему-то прислушиваясь. Быть можетъ, этотъ сынъ степи только и познаетъ смыслъ безмолвія пустыни, только ему одному и понятны тѣ рѣдкіе, странные звуки, похожіе на шопотъ пробѣжавшаго среди лѣса вѣтерка,

которые порой наполняют степь. Быть может, это флегматичное созданье только и проникает въ тайны громаднѣйшаго сфинкса — пустыни. Если нѣтъ, то еще менѣе его поводырь-киргизъ, дремлющій на горбѣ верблюда, отчего фигура его, точно маятникъ, мѣрно покачивается изъ стороны въ сторону, дѣлая порой довольно большіе размахи. Дреmlютъ и другіе поводыри, защищенные отъ знойныхъ лучей небольшими палатками, устроенными изъ рваныхъ халатовъ.

Передній верблюдъ издалъ хрипло-клокочущій звукъ „хр - р...“, точно въ его длинномъ горлѣ недѣлями копилась густая слизъ. Караванъ мгновенно очнулся. Каждому обитателю пустыни знакомъ этотъ тревожный звукъ. Всѣ зорко стали всматриваться вдаль. Но тамъ ничто не измѣнилось — только въ причудливую цѣпь перистыхъ облачковъ врѣзалось диссонансомъ какое-то черное пятнышко. Последнее и смутило верблюда, на него тревожно посматривали и киргизы. Быстро, точно въ сказкѣ, разрасталось это пятнышко въ громадное черное облако, быстро принимало уродливыя очертанія, и, точно тысяченогій спрутъ, обвивало нѣжныя перистыя кружева небосклона, поглощая ихъ. Пронесся намъ навстрѣчу жгучій порывъ вѣтра. Верблюды хоромъ издали тревожный звукъ. Вожаки тотчасъ же срывали свои палатки, крѣпче затянули болты, надѣли халаты, малахаи. А чудовище росло, закрывая небосклонъ... Солнце приняло видъ желто-огненнаго громаднаго пятна... Въ воздухѣ чувствовалась какая-то тревога... Верблюды ревѣли, наполняя пустыню зловѣщими звуками. Вдали показались темныя, длинныя, точно холсты, узкія полосы. Вотъ онѣ растутъ, превращаются въ вихревыя столбы. На мгновенье все стихло... Вдругъ страшный порывъ вѣтра рванулъ по каравану. Верблюды на мигъ остановились, но тотчасъ же снова пошли на встрѣчу несущимся гигантскимъ столбамъ. Послышался шумъ, точно отъ грознаго потока, сбрасы-

вающагося по уступамъ скалы. Мгновенно пустыня наполнилась какими-то неопредѣленными звуками: тутъ слышались свистъ вихря, шумъ падающей воды, шопотъ дремучаго бора, рѣзкіе пронзительные крики стервятниковъ, глухое рычаніе льва и хриплые, боязливые крики верблюдовъ. Пустыня превратилась въ игрище песчаныхъ столбовъ, то разсыпающихся мелкою пылью, больно ударяющей по лицу, по обнаженнымъ частямъ тѣла, то снова поднимающихся вверхъ... Небо представлялось сплошь затянутымъ сѣро-черной кисеей, сквозь которую выглядывалъ тусклый дискъ солнца, не долго предъ этимъ яркаго, лучистаго, полнаго лѣни и томленія. Вдругъ прорѣзала ослѣпительная молнія, а вслѣдъ раздался страшный трескъ, точно рухнуло огромное зданіе... Пустыня задрожала отъ гула. Полилъ дождь... Да это скорѣе не дождь, а тотъ ливень, силу котораго можно представить себѣ не иначе, какъ если бы цѣлое море опрокинулось надъ нашей головой. Въ одинъ мигъ мы были мокры, а земля превратилась въ русло, по которому бѣшено неслись грозные потоки...

Песчаные холмы колебались, отъ рѣзкихъ напоровъ воды, верблюды еще двигались впередъ, измѣнивъ свое направленіе—они старались идти по сплошному гребню песчанниковъ. Но скоро и черезъ гребни стали перебрасываться потоки, и движеніе становилось опаснымъ. Также мгновенно, какъ начался, песчано-водяной смерчъ прекратилъ свою разрушительную силу... Темная завѣса разорвалась, и солнце облило пустыню прежними ярко-ослѣпительными и жгучими лучами. Потоки исчезли бесслѣдно въ песчаныхъ барханахъ, какъ губки, впитывающихъ влагу, и тотчасъ же отдающихъ ее, въ видѣ испареній. Черезъ 5—10 минутъ пустыня приняла прежній видъ, какъ будто ничего не случилось. Между тѣмъ, надъ нею вѣяла смерть, готовая поглотить все, что дерзко смѣетъ нарушать мертвый покой ея царства. Передній верблюдъ круто повернулъ въ сторону и, издавъ отры-

вистый звукъ „кри-и“, быстро запагалъ черезъ цѣпи холмовъ, не обращая вниманія на толчки, которымъ подвергался его вожакъ. Всѣ пріободрились—такой рѣшительный поворотъ верблюда—сопровождающийся радостнымъ „кри-и“, предупреждалъ о близости воды, а слѣдовательно и о скоромъ отдыхѣ.

II.

Но долго намъ еще пришлось плыть по барханамъ, не разъ приходила мучительная мысль, что на этотъ разъ чутье обмануло старика-верблюда... Солнце по прежнему жгло своими отвѣсными лучами, сверкало иногда на слюдистой почвѣ, случайно оголенной отъ сыпучаго песка. По прежнему тоскливо выглядывалъ саксаулъ, протягивая, точно мертвецъ руки, свои оголенные вѣтви... Но вотъ въ лицо пахнула струйка освѣжающаго воздуха и верблюды дружнымъ хоромъ втянули въ свои воспаленныя ноздри прохладную волну вѣтра, весело трягнули лебединой шеей и бодро зашагали по холмамъ.

— Алла... Иррахимъ-Иррахманъ...

Раздалось съ передняго верблюда и киргизы отвѣтили хоромъ съ глубокимъ вздохомъ—„Алла“.

Марево заструилось мельче, перистыя облачка приняли болѣе темный цвѣтъ, какъ бы ниже спустились надъ горизонтомъ. Кое-гдѣ, среди бесплодныхъ наносныхъ песчаныхъ холмовъ, пробивались солянки и верблюды на ходу срывали ихъ жалкіе стебли и аппетитно пережевывали. Пролетѣлъ лунь, издавъ свой рѣзкій крикъ... Порывы освѣжающаго воздуха становились все чаще и чаще. Киргизы стали убирать свои палатки-навѣсы.

Солнце склонялось къ западу. Теперь лучи ударяли намъ косо въ бокъ и можно было снять зонты...

Я жадно всматривался впередъ, ища благодатнаго

оазиса, но тамъ ничего, кромѣ сѣрой дали, не было видно. Однако, по опыту я зналъ, что въ этой, повидимому, мертвой дали, таится жизнь и каждый размашистый шагъ верблюда приближаетъ насъ къ ней. Я чувствовалъ, какъ въ моей груди ширится и растетъ просторъ степей. Въ такія минуты невольно хочется крикнуть во всю мочь и слышать тысячи отзвуковъ, чтобы разбудить эти песчаные холмы, поднять изъ ихъ глубины былыя дѣла батырей, которые когда-то здѣсь бились за свободу, отвоевывали каждую пядь земли...

Передній киргизъ, точно угадавъ мою мысль, мое желаніе, тихо сталъ напѣвать любимую былинку про Кенисару. Его тонкая фистула уныло передавала неудачную борьбу батыря за свободу и слышалась въ этомъ напѣвѣ такая-же, какъ сама степь, безграничная скорбь.

— Куланъ...—громко крикнулъ киргизъ и показалъ рукой на горизонтъ.

Всѣ посмотрѣли въ этомъ направленіи. Я ничего не могъ различить, но по лицамъ киргизовъ видѣлъ, что тамъ вдали что-то есть и дѣйствительно скоро и я сталъ различать быстро движущіяся точки, то собиравшіяся въ группу, то, какъ искры, разлетавшіяся въ разныя стороны. Я понялъ теперь, что мы стали свидѣтелями рѣдкой охоты на кулановъ—порода животныхъ, которая признается нѣкоторыми зоологами за родоначальника нашей лошади.

На холмѣ, выдѣляющемся среди сѣрыхъ бархановъ желтой вершиной, показалась на мгновеніе группа всадниковъ-охотниковъ, которые стремглавъ бросились на своихъ быстроногихъ скакунахъ въ объѣздъ убѣгающему табуна кулановъ. Быстро заѣхали они въ тылъ послѣднему, круто повернули и понеслись прямо на табунъ, держась разорванной цѣпью, въ видѣ полукруга.

Куланы изумлены и первое время, какъ видно, не отдавали себѣ отчета въ происходящемъ. Но это мгновеніе... Высоко закинувъ хвосты, гордые животные стрѣлой

несутся по возвышенности, устремляются по тропинкѣ. Однако, коварная засада и разбившіеся охотники упрямо гонять къ долинкамъ. Стрѣлой летитъ табунъ внизъ по склону, поднимая за собой клубы тяжелой песчаной пыли, но и охотники не отстаютъ, не смущаются предъ крутымъ спускомъ, а напротивъ щедро награждаютъ своихъ скакуновъ ударами ногой. Вотъ и долина... Табунъ остановился. Животныя, точно по командѣ, повернули головы, но, къ ужасу и удивленію ихъ, всадники не только не отстали, а несутся вслѣдъ. Звонко ударилъ копытомъ жеребецъ, звучно разнеслось его ржаніе и онъ съ быстротою молніи понесся по ровной степи, а за нимъ и весь табунъ. Охотники смыкаются въ болѣе тѣсную цѣпь и упрямо преслѣдуютъ табунъ. Постепенно сокращается разстояніе, отъ табуна начинаютъ отставать жеребята, а взрослые, чтобы не потерять послѣднихъ, умѣряютъ свой бѣгъ; всадники-же не жалѣютъ своихъ бѣгуновъ и безсчетными ударами заставляютъ ихъ стелиться по землѣ. Наконецъ, табунъ разбивается на мелкіе косяки, которые разсыпаются въ разныхъ направленіяхъ по степи, а охотники разрываютъ свою цѣпь и каждая группа отдѣльно преслѣдуетъ намѣченный ею косякъ. Прошелъ часъ такой бѣшенной скачки, отъ исхода которой для кулановъ зависѣла жизнь и свобода, или смерть и неволя, а для киргизовъ-охотниковъ богатая добыча и удовлетворенная удаля... Разстояніе между передовыми всадниками и косякомъ сократилось до ружейнаго выстрѣла. Охотники бросили поводья, привстали на стременахъ, ловко перебросили на руку ружье и на всемъ скаку дали залпъ по животнымъ... Передній куланъ, услышавъ звуки выстрѣловъ, моментально остановился, какъ-бы соображая, откуда они слышались. Охотникамъ этого только и надо—они быстро осаживаютъ взмыленныхъ лошадей, и съ прицѣла выстрѣлили въ табунъ. Куланы шарахнулись въ сторону, но скоро остановились и съ удивленіемъ по-

смотрѣли на двухъ своихъ собратовъ, беспомощно лежавшихъ на горячемъ пескѣ. Этотъ моментъ изумленія дорого обошелся табуну—новый залпъ и снова три кулана и два жеребенка, смертельно раненные мѣткими пулями, падаютъ на землю...

Вся эта кровавая драма разыгралась на нашихъ глазахъ. Киргизы съ восторгомъ слѣдили за ея актами и, какъ видно, переживали всѣ моменты вмѣстѣ съ охотниками. Въ каждомъ изъ нихъ инстинктивно сказывалась прежняя удалъ, желаніе извѣдать хоть частицу той жизни отцовъ и дѣдовъ, которая была полна самыхъ интересныхъ охотъ съ беркутомъ и соколомъ, головоломныхъ, спорящихъ съ вѣтрами, скачекъ за куланами по безбрежнымъ степямъ...

Когда послышался первый залпъ выстрѣловъ и табунъ остановился, киргизы затаили дыханіе и застыли въ томительномъ ожиданіи. Но вотъ раздался второй залпъ и крики дикаго восторга огласили степь.

— Жаксы (хорошо)... Алла... Бекъ жаксы... (очень хорошо).

„Когда-то, давно-давно—началь старикъ Урмамбетъ—эта степь не была такъ бесплодна: звонко журчали ручьи среди зеленыхъ рощъ, аулы шумно кочевали со своими стадами отъ урочища къ урочищу. Въ голубой выси, не переставая, гремѣла пѣсня жаворонка, праздники смѣняли одинъ другой—какъ смѣнялась луна. Богатѣли казаки... Стада ихъ множились, кибитки украшались дорогими коврами, аргамаки не имѣли соперниковъ. И далеко-далеко разнеслась слава про богатство рода Истековъ—до самого царства „срединнаго...“ Самъ Аллахъ благословлялъ родъ Истековъ. А злой Абу-Ниранъ, властитель пустынь, не могъ видѣть такого счастья правовѣрныхъ и похвалялся предъ Аллахомъ, что онъ можетъ сгубить этотъ родъ. „Твои правовѣрные сыны забудутъ вѣру и добродѣтель отъ вкушенія сладости любого по-

рока, ибо человекъ рожденъ съ пороками, а добродѣтель наносна, какъ песчаные барханы въ пустынь. Придетъ порокъ—вихрь и смететъ всѣ холмы добродѣтели... Родъ людей—весь порочный“. Такъ говорилъ Абу-Ниранъ. Затуманилось чело Аллаха и повелѣлъ онъ своимъ святымъ стражамъ покинуть аулы рода Истековъ.

Однажды вдаль показался верблюдъ, несшій на своемъ горбѣ какой-то странный тюкъ... Ближе и ближе. Ауль высыпалъ на встрѣчу... Верблюдъ шагаетъ устало—видно далекий путь онъ совершалъ... Неприятнѣе ожидающихъ переполнилось и они пошли на встрѣчу... Подошли вплотную и вскрикнули—не тюкъ, а полуживого человека несъ верблюдъ на своемъ исхудаломъ горбѣ.

Осторожно сняли съ сѣдла, къ которому онъ былъ привязанъ широкой тесьмой, внесли въ кибитку и мудрый Насанъ-бей влилъ въ его спекшіяся уста крѣпкаго шубата (верблюжий кумысъ). Путникъ былъ еще молодъ, но красивое лицо носило печать тяжелыхъ мукъ... Вотъ онъ глубоко вздохнулъ, полуоткрылъ глаза и тихо что-то прошепталъ.

Прошло немного дней, а Каргеръ-бей—такъ звали пришлеца—властвовалъ надъ всѣми родами Истековъ. Его стройный, гибкій станъ, красота лица, ласковая рѣчь, уваженіе стариковъ очаровали всѣхъ. Но больше всего влекло къ нему народъ то, что онъ обладалъ какимъ-то чудодѣйственнымъ напиткомъ, отъ капли котораго можно было пробыть нѣсколько мгновений въ раю Магомета. Его кибитка всегда была полна... Принесъ верблюдъ Каргера нищимъ, а не успѣла луна смѣниться и два раза, какъ онъ былъ богатымъ человекомъ. Богатство росло непомѣрно. Тысячные табуны лошадей, безчисленные отары овецъ покрыли всю степь. А народъ все несъ и несъ къ нему свое добро, чтобы получить каплю дивнаго напитка и побывать въ раю Магомета. Самъ мудрый Насанъ не выходилъ изъ кибитки Каргера и

лишь приказывать рабамъ подгонять стада къ стадамъ Каргера, чтобы получить новую каплю...

Минулъ годъ. Весь родъ Истека сталъ нищимъ — все его бывшее богатство перешло къ Каргеру и онъ владыкой сталъ. Всѣ, какъ ящерицы, пресмыкались у его кибитки, вымаливая каплю дивнаго напитка. Многіе убили себя или умерли отъ томленія и напрасной мольбы. Измѣнился и самъ Каргеръ-бей—сталъ онъ жестокимъ и скупымъ. Взять онъ въ свой гаремъ самыхъ красивыхъ женъ и дѣвушекъ, а ихъ мужей, отцовъ и жениховъ превратить въ рабовъ... Непослушныхъ истязать, а если кто грозилъ ему ножомъ, то онъ безжалостно того убивалъ.

Затихла степь. Не стало слышно ни дамбры, ни веселыхъ пѣсенъ жаворонковъ... Аулы точно вымерли. Даже табуны лошадей и стада овецъ уныло бродили... Одинъ Каргеръ-бей таилъ въ себѣ радость. Онъ мстилъ роду человѣческому за позоръ, который претерпѣлъ въ далекой сартской странѣ. Грозный ханъ поймалъ его въ гаремѣ, жену-измѣнницу убилъ, а Каргера накормилъ соленой бараниной, привязалъ къ верблюду, котораго и отвелъ въ бесплодную пустыню. Когда онъ уже отчаялся видѣть аулъ, ему явился Абу-Ниранъ и сказать: „Отдайся мнѣ и я сдѣлаю тебя богатымъ, ты отомстишь хану и купишь его царство“. Полуживой Каргеръ съ радостью согласился и поклялся служить Абу-Нирану.—„Возьми этотъ турсукъ и направь верблюда на созвѣздіе Ниранъ-Абу...“ Сказавъ это, Абу-Ниранъ исчезъ, а Каргеръ, повернувъ верблюда, снова впалъ въ забытіе... Теперь онъ самый богатый въ мірѣ человѣкъ и уже лелѣялъ мечту вернуться въ землю сартовъ и купить ее на свои сокровища.

Да иначе судилъ Аллахъ. Онъ не могъ выносить страданій своего народа и ниспослалъ кару на Каргера.

Въ день великаго Байрама поднялась буря, небо покрылось страшными тучами, но, вмѣсто воды, изъ нихъ

посыпался песчаный дождь. Въ страхѣ заметались люди и стада. Напрасно. Погибъ родъ Истека и Каргеръ. Стада остались, только лошади превратились въ кулановъ, а овцы въ сайгаковъ. Степь же обратилась въ бесплодную пустыню...

III.

Мы осторожно спустились по песчаному отвѣсу и тихо стали подвигаться вдоль берега. Море грозно шумѣло. Его сѣдые волны съ ревомъ накатывались на песчаный берегъ, но тотчасъ же убѣгали прочь, оставляя массу мелкихъ камней и раковинъ, покрытыхъ морской пѣной... Темные гребни волнъ сверкали своей бѣлой пѣной, точно громадныя чайки взмахивали крыльями... Гигантскія широкія водныя полосы тяжело перекатывались, поднимая всю толщу воды, до самыхъ нижнихъ слоевъ...

Нелюдимо Аральское море... Песчаные ватуны, безмолвные свидѣтели морскихъ буръ и мертвой зыби, безпрерывной лентой тинутся вдоль отлогихъ береговъ... Изрѣдка парушается этотъ унылый монотонный пейзажъ небольшой рыбацкой бухточкой, въ которой качается десятка два парусныхъ лодокъ, а по склонамъ песчаного холма лѣпится нѣсколько незатѣливыхъ рыбацкихъ землянокъ. Но и тутъ не видно кипучей жизни астраханскихъ или даже гурьевскихъ рыбныхъ промысловъ, не слышны отголоски прежней „астраханской“ и „яицкой“ рыбацкой вольницы, хотя рыбаки Аралья вышли съ береговъ Каспія... Тихо и уныло... За бухтой снова тинется цѣпь песчаныхъ холмовъ, на которые съ рокотомъ накатываются въ бурю пѣнящіяся волны, а въ тихую погоду—синяя зыбь что-то любовно нашептываетъ этимъ валунамъ своимъ таинственнымъ всплескомъ... Только дальше къ югу, гдѣ Арагъ принимаетъ въ свои сінія воды красавицу Аму, впадающую многими рукавами, наблюдается человѣческая жизнь, оживляющаяся въ пору кочевокъ...

Здѣсь находится одна изъ странъ „Вѣловодья“, о которой мечтаютъ пахаря средней полосы Россіи, въ поискахъ за которой блуждаютъ по обширнымъ средне-азиатскимъ степямъ, по глухимъ сибирскимъ тайгамъ тысячи переселенцевъ. Рисуетъ въ ихъ ограниченномъ представленіи эта страна въ видѣ „плодовой долины“, съ рѣчкой, у которой „берега кисельны“... Это—городъ Кунрадъ, расположенный въ дельтѣ Аму-Дарьи.

Съ затаенной ненавистью слѣдятъ киргизы, исконные владѣльцы этого уголка Приаралья, за переселенцами, нещадно уничтожающими приволье кочевника, забравшими въ свои руки лучшія уголья и все-таки не находящими полного осуществленія своихъ мечтаній о странѣ „Вѣловодья“. Выпашеть, бросить и снова отправляется въ поиски за новой обѣтованной страной вглубь степей, къ границамъ Китая.

Не отрываетъ отъ снѣга морского простора своихъ мечтательныхъ взоровъ и киргизъ. Идетъ-ли онъ съ караваномъ, прикочевываетъ-ли съ аулами, батрачить-ли на рыбныхъ промыслахъ — глаза его часто бываютъ устремлены въ морскую даль и каждый сытъ степи убѣжденъ, что тамъ, далеко-далеко, гдѣ небо опускается къ водѣ, есть благодатный островъ, населенный только „казаками“, сынами вольной жизни. Тамъ жизнь, по вѣрованію приаральскаго киргиза, свободна отъ всякихъ земныхъ тягостей, тамъ все прекрасно, во всемъ приволье... Но попасть туда не легко. Къ „священному острову“ нельзя пробѣжать на лодкѣ, даже „чортовой“ (пароходѣ), ибо „морская глубина поглотитъ невѣрныхъ и дерзкихъ“. Только разъ въ десятки лѣтъ, когда замерзаетъ море до самого „священнаго острова“, можно пробраться на послѣдній, но и то нужно „благословеніе Аллаха“.

Богатая фантазія киргиза создала по поводу происхожденія этого, несуществующаго на самомъ дѣлѣ, „священнаго острова“ цѣлую легенду.

Третій день бушуєть Денгізъ (такъ зовуть киргизы Аральское море). Волны такъ и рокочуть, такъ и рвуть песчаные холмы. Вздулась, потемнѣла Аму—грозитъ затопить всю долину, усѣянную аулами.

Задумались киргизы о причинѣ такой бури и опросили своихъ аксакаловъ. Но тѣ сами недоумѣвали и рѣшили послать за мудрымъ Исентаемъ, который кочевалъ въ горахъ Ала-Тау. Помчались джигиты на самыхъ быстроногихъ аргамакахъ, захвативъ въ подарокъ шелковый халатъ. Прошло еще три дня. Морѣ по прежнему бушуєть, а Аму уже вышла изъ береговъ и затопила часть долины. Аулы въ смятеніи—бѣда близка, спасенія нѣтъ... Но вотъ вдали показались джигиты съ Исентаемъ. Облегченно вздохнули киргизы—они были убѣждены, что Исентай разрѣшитъ ихъ недоумѣніе и сумѣетъ отвратить бѣду.

Сосредоточенно вперивъ взоръ въ тѣлющийся среди кибитки очагъ, старикъ Исентай сидитъ недвижимо, точно изваяніе. Кругомъ, плотнымъ кольцомъ, возсѣдали аксакалы ауловъ, кочующихъ по долинѣ Аму, и не спускали глазъ съ худой фигуры Исентая.

— Алла...—тихо вздохнулъ Исентой.

— Алла...—пронеслось по рядамъ аксакаловъ. И снова томительное молчаніе въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Вдругъ аксакалы увидѣли, что безкровныя губы Исентая зашевелились и что-то беззвучно начали шептать. Всѣ обратились въ слухъ, но шопотъ Исентая былъ понятенъ ему одному. Еще мучительнѣе стало ожиданіе. Наконецъ, изъ устъ старца стали вылетать отрывистыя слова.

— Реветь... Бушуєть... Аллахъ-акберъ... Бѣда, бичъ пророка...

Вотъ онъ оторвалъ свой взоръ отъ огня, провелъ мутными глазами по аксакаламъ и тихо заговорилъ.

— Всемогуцій Алла (да продлится его милость надъ правовѣрными!) посылаетъ на насъ свою кару—гяуръ близко. Ихъ „чертовы“ подки, съ чернымъ дыханіемъ,

съ огненными глазами плывутъ по Аму и плывутъ сюда... О, Алла... Преграды имъ нѣтъ. Напрасно священная Аму вздымаетъ свои воды—не потопить ей проклятыхъ лодокъ. Цѣпь рабства наложить они на священныя волны красавицы Аму, погибнетъ воля Денгиза. Покоримся же Аллаху, сотворимъ намазъ... Сзывайте на молитву всѣхъ.

Вѣтеръ рветъ кибитки. Пѣнящаяся волны съ грохотомъ накатываются на берегъ, такъ и рвутся на долину, на просторъ. Новый порывъ вѣтра и волны съ рокотомъ бѣшено понесли по долинѣ, затопявъ все. И, о чудо! Только молящиеся правовѣрные остались не тронутыми. Вокругъ нихъ ключемъ кипитъ вода, брызги волнъ обдають ихъ съ ногъ до головы, но остаются они невредимы. Раздался страшный ударъ грома. Молнія прорѣзала весь небосклонъ, охватила своимъ огненнымъ поясомъ мѣсто, гдѣ молились правовѣрные и отрѣзала островокъ.

Бушуетъ Аму, рокочутъ волны Денгиза, а островокъ съ молящимися тихо плыветъ, постепенно скрываясь въ морскомъ просторѣ. Вокругъ него нѣтъ волнъ, нѣтъ бѣшеныхъ гребней, а тиха, спокойна вода, какъ въ ясный безвѣтренный день. Въ послѣдній разъ мелькнулъ бѣлый халатъ Исентая и островокъ исчезъ изъ глазъ...

Вѣрить киргизъ въ своею сердечномъ простодушіи преданію о священномъ островѣ, гдѣ нѣтъ рабства и цѣдей неволи, нѣтъ земныхъ страданій, а полное счастье, общеніе съ небожителями. Взоры моихъ спутниковъ, устремленные въ морскую даль, подернулись грустной дымкой, они застыли въ своихъ позахъ. Видно, что сейчасъ душою и мыслями они тамъ, на таинственномъ священномъ островѣ, скрытомъ отъ коварныхъ глазъ гиуровъ...

Раздался пронзительный свистъ парохода. Мы вздрогнули. Изъ сѣрой туманной дали вырисовывался пятномъ большой пароходъ Аральской флотиліи.

Я простился съ своими спутниками.
